HC21
.A558
1908

Изданіе Ф. Павленкова.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

330
A 659

Ник. Андреевъ (Николинъ).

ИЗЪ ИСТОРІИ
ТРУДА и КАПИТАЛА.

Съ 21 рисункомъ.

СОВЕТОВ РАБ. ДЕП.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская 20.
1908

C
29044

a 00003 022491

Изданіе Ф. Павленкова.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

HC21
.A558
1908

Ник. Андреевъ (Николинъ).

ИЗЪ ИСТОРІИ
ТРУДА и КАПИТАЛА.

Съ 21 рисункомъ.

КАСИМОВСКАЯ УЕЗДНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
330 2099 А659
2099

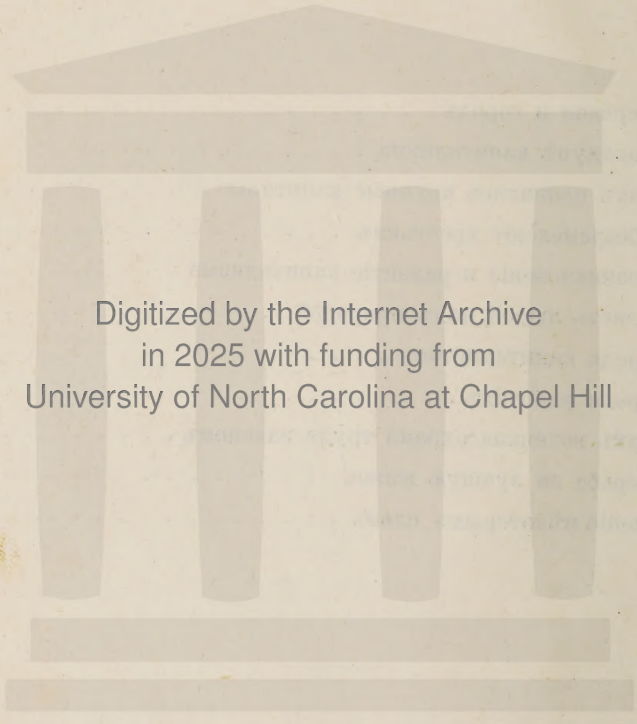
Цѣна 30 коп.

LIZ ISTORII TRUDA I KAPITALA
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA PROPERTY OF LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская 20.
1908

Оглавленіе.

	стр.
I. Деревня и городъ	1
II. Наканунѣ капитализма	14
III. Какъ появились крупные капиталы	22
IV. Обезземеленіе крестьянъ	29
V. Возникновеніе и развитіе капитализма	38
VI. Власть людей надъ природой	46
VII. Среди капиталистовъ	56
VIII. Среди рабочихъ	73
IX. Какъ возникла охрана труда закономъ	88
X. Борьба за лучшую жизнь	99
Объясненіе нѣкоторыхъ словъ	111



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/izistoritrudaika00andr

I.

Деревня и городъ.

По обѣимъ сторонамъ проселочной дороги раскинулась деревушка. Маленькіе двухъ и трехоконные домики, покрытые гдѣ соломой, гдѣ тесомъ, а гдѣ черепицей. Подлѣ каждаго домика крытый дворъ, почти всегда съ соломенной крышей; за дворомъ—огородъ, кое-гдѣ и садъ. Улица немощеная, осенью непролазно-грязная, лѣтомъ страшно пыльная, зимой занесенная глубокимъ сугробомъ, по которому узкой темноватой полоской вьется санный путь. Вокругъ деревни—обработанныя поля, замыкаемыя на горизонтѣ темной каймою лѣса.

Таковъ внѣшній видъ русской деревни. Кто его не знаетъ! Проходятъ годы, десятки и сотни лѣтъ, а деревня все остается той-же,—по прежнему тонетъ она въ осенней грязи, по прежнему заметаютъ ее зимніе сугробы, по прежнему окружаютъ ее необъятныя поля и виситъ надъ нею бездонное небо, то ласково-голубое и свѣтлое, то облачно-мрачное и хмурое.

Въ деревнѣ живетъ грубый и простой народъ, съ мозолистыми большими руками, съ постоянными помыслами объ урожаѣ и скотѣ—это крестьяне. Лѣтомъ они носятъ ситцевыя рубахи и сарафаны, суконные армяки, фуражки и платки, лапти и сапоги, а зимой

надѣваютъ дубленые полушубки, огромные тулупы и валенки.

Жизнь крестьянъ полна заботъ о землѣ: земля ихъ кормитъ. Но какъ первобытно груба крестьянская работа! Скверная соха, запряженная маленькой лошаденкой (рис. 1), деревянная борона, серпъ, коса и цѣпъ для молотьбы,— вотъ главныя орудія этой работы.

Крестьянинъ ѣстъ хлѣбъ, приготовленный собствен-

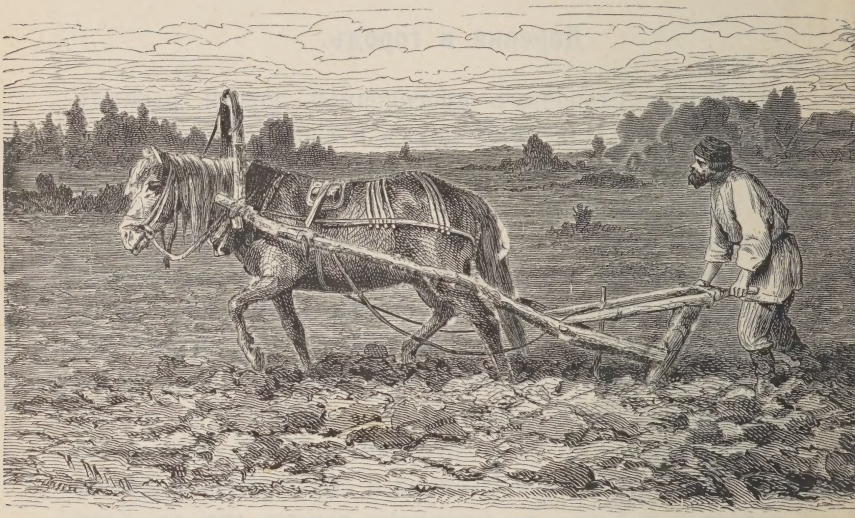


Рис. 1. Крестьянинъ великороссъ пашетъ землю.

ными руками, не покупной, пьетъ молоко отъ своей коровы, частенько даже носитъ одежду, приготовленную здѣсь же дома изъ грубаго холста собственнаго издѣлія. Съ осени затотовляетъ онъ запасы на цѣлый годъ: муку, капусту, огурцы. Поэтому-то около крестьянской избы и въ ней самой всегда есть амбарчики и чуланчики. Словомъ всякая крестьянская семья потребляетъ, главнымъ образомъ, продукты собственнаго издѣлія, стараясь воз-

можно меньше покупать, возможно меньше тратить на пріобрѣтеніе «городскихъ» товаровъ, хотя, конечно, совсѣмъ обойтись безъ этихъ товаровъ она уже не можетъ.

Чтобы побывать въ сосѣдней деревнѣ или ближайшемъ городѣ, крестьянинъ отправляется въ путь либо пѣшкомъ, либо въ тряской телѣгѣ, запряженной той-же лошадью, при помощи которой онъ пашетъ и боронитъ. Пѣшкомъ онъ дѣлаетъ версты 4—5 въ часъ, на лошади 7—8. Какъ видите, сообщеніе не очень быстрое! Поэтому разстояніе въ 40-50 верстъ считается въ деревнѣ очень большимъ, а сто—полтораста ужъ и совсѣмъ далекимъ. Осенняя и весенняя распутица и зимнія метели такъ портятъ дороги, что на нѣсколько дней какъ бы совсѣмъ отрѣзываютъ деревню отъ всего міра.

Но и помимо этого деревня не особенно-то сильно связана съ остальнымъ міромъ. Рѣдкій крестьянинъ получаетъ газету, большинство не читаетъ никакихъ книгъ и довольствуется всякими слухами и розсказнями бывалыхъ и прохожихъ людей. Что дѣлается на широкомъ бѣломъ свѣтѣ, какіе интересы волнуютъ другихъ людей, отчего происходятъ войны, стачки рабочихъ, почему издаются такіе, а не иные законы,—все это не особенно занимаетъ умъ большинства крестьянъ. «Это насъ не касается»,—думаютъ они, а если подчасъ и интересуются всѣмъ этимъ, то все-равно, какъ забавной и любопытной сказкой.

Совсѣмъ другое зрѣлище и другую жизнь представляетъ большой современный городъ.

Вдоль широкихъ закованныхъ въ камень улицъ тянутся многоэтажныя каменныя громады домовъ.

Въ любомъ такомъ домѣ вмѣщается населеніе цѣлой деревни. Ни полей, ни огородовъ, ни амбаровъ и сараевъ, словомъ ничего обычно деревенскаго въ большомъ городѣ нѣтъ. Народъ ютится по квартирамъ и комнатамъ, при

которыхъ не имѣется ни амбарушекъ, ни чуланчиковъ, такъ свойственныхъ всякой крестьянской избѣ и всякому дому въ маленькомъ городкѣ, да онъ и не нуждается въ нихъ: все нужное для ежедневнаго пропитанія покупается въ лавкахъ, во множествѣ разсѣянныхъ по всему городу.

Пройдитесь по любой оживленной улицѣ города, и вы увидите, что нижній этажъ почти всякаго зданія занятъ лавками и магазинами. Вотъ «овощная и мясная» лавка; здѣсь вы можете купить какого вамъ нужно мяса и всяческихъ овощей и приправъ къ супу и щамъ. Рядомъ находится огромный магазинъ чая, сахару, кофе. Далѣе—булочная и кондитерская; затѣмъ колбасная; рядомъ магазинъ съ посудой; около него — торговля керосиномъ и освѣтительными маслами; тутъ же можно пріобрѣсти лампы, свѣчи и т. п. вещи. Почти на каждой улицѣ вамъ будутъ попадаться магазины съ бѣльемъ, съ верхнимъ платьемъ, съ обувью, табачные магазины, аптекарскіе склады, магазины мебели и т. д. Словомъ все, что только необходимо для жизни, самой простой и самой роскошной, все это можно купить въ многочисленныхъ лавкахъ и магазинахъ, тутъ же подъ рукой. Почти на всякой улицѣ можно найти либо трактиръ, либо ресторанъ, либо чайную, столовую, пивную. Вамъ невольно бросаются въ глаза огромныя вывѣски, зеркальныя стекла и масса выставленныхъ за ними самыхъ разнообразныхъ товаровъ. Деревенскій житель, внезапно вырванный изъ своей деревни и перенесенный на одну изъ такихъ улицъ, почувствовалъ бы себя, вѣроятно, въ какомъ-то сказочномъ мѣстѣ.

Непрестанный грохотъ и шумъ наполняютъ улицы большого города. По тротуарамъ, обложеннымъ большими плитами или залитымъ асфальтомъ, движется множество народу (рис. 2). Рѣдко встрѣтите вы въ этой толпѣ не-

уклюжія фигуры деревенскихъ обывателей. По большей части здѣсь «чистая публика»: мужчины въ разнообразныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ воротничкахъ и съ тростью въ рукѣ, женщины въ изящныхъ костюмахъ, «какъ на картинкѣ», студенты, гимназисты, офицеры. Рабочій людъ тоже сильно отличается отъ крестьянъ и своимъ костю-

Рис. 2. Невскій проспектъ въ г. С.-Петербургѣ.

момъ, и всѣми своими манерами. Тутъ же снуютъ многочисленные разносчики съ мелкимъ товаромъ и газетчики.

По дорогѣ мчатся извозчики, гремятъ конки и электрическіе трамваи, переполненные народомъ; нерѣдко плавно и быстро проносится автомобиль, предупреждая о своемъ приближеніи отрывистыми басовыми звуками. Между извозчиками ловко лавируютъ велосипедисты.

На многихъ перекресткахъ стоятъ газетныя будки, гдѣ можно получить любую газету, выходящую въ городѣ.

Вечеромъ городъ заливается цѣлымъ моремъ огня, Керосиновыхъ лампъ почти не встрѣчается. Улицы и магазины освѣщаются либо газомъ, либо электричествомъ. Электричествомъ освѣщаются даже многія частныя жилища.

Въ то время какъ центральныя части города поражаютъ великолѣпіемъ своихъ зданій, красотою улицъ, богатствомъ магазиновъ и обиліемъ «чистой» публики, окраины города вызываютъ иное настроеніе. Здѣсь высятся громады фабрикъ съ дымящимися трубами и тянутся унылыя вереницы сѣрыхъ, пыльныхъ, грязныхъ зданій, похожихъ на казармы ,— это рабочіе кварталы (рис. 3). Здѣсь кипитъ работа и ютятся рабочіе со своими семьями. Свистъ и грохотъ машинъ, сѣрыя толпы идущихъ на работу и съ работы рабочихъ — вотъ обычная картина на окраинахъ большого города.

Такова внѣшность большого современнаго города. Какой маленькой, почти мизерной, грубой и простой кажется передъ нимъ деревня!

Само собою понятно, что и жизнь такого города въ тысячу разъ сложнѣе и разнообразнѣе деревенской жизни.

Городъ живетъ торговлей и промышленностью. Поэтому въ немъ проживаетъ масса крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, заводчиковъ, фабрикантовъ. А вокругъ нихъ собираются цѣлыя арміи рабочихъ, прикащиковъ, конторщиковъ и тому подобнаго люда, безъ котораго немыслимо торгово-промышленное дѣло.

Сотни тысячъ, даже милліоны народа, населяющаго большой городъ, нуждаются прежде всего въ съѣстныхъ припасахъ. Мука для хлѣба, мясо, овощи,—всѣ эти

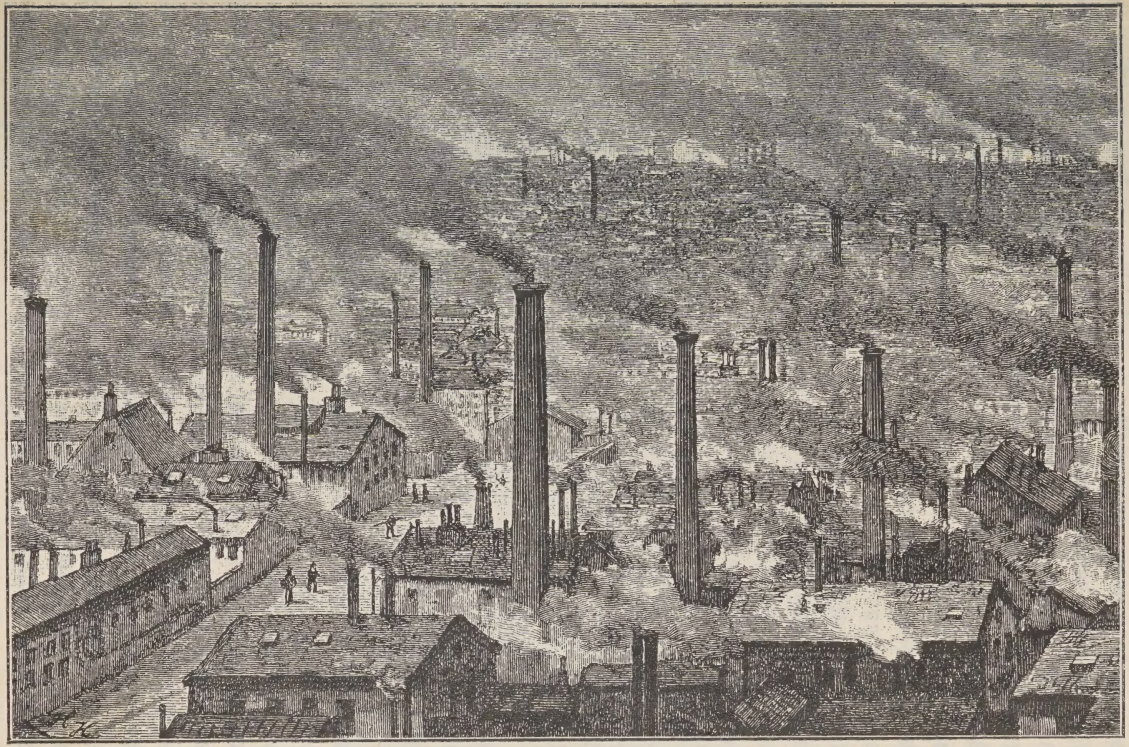


Рис. 3. Фабричный городъ въ Англіи.

продукты городъ покупаетъ извнѣ. Ежедневно желѣзныя дороги подвозятъ цѣлыя сотни и тысячи рогатаго скота на убой, множество вагоновъ съ мукой, овощами, всякой живностью и проч. продуктами. Все это покупается сначала оптовыми торговцами, перекупается мелкими и попадаетъ, наконецъ, въ руки потребителей въ видѣ куска мяса, головы капусты, фунта хлѣба и т. д. Множество народу занято выгрузкой вагоновъ съ этимъ товаромъ, даставкой его на бойню (скотъ), въ склады и магазины; не мало народу трудится также надъ подсчетомъ товаровъ, записываніемъ его, надзоромъ надъ рабочими, выдачей имъ денегъ и т. п.

Ежедневно въ городъ доставляется масса писемъ и всякихъ посылокъ со всѣхъ концовъ міра, которыя разносятся по адресамъ цѣлой арміей почталіоновъ. Не менѣе усердно работаютъ и телеграфисты, разнося телеграммы. Большой городъ связанъ желѣзными дорогами и телеграфной проволокой со всѣмъ міромъ. Отовсюду получаетъ онъ извѣстія и товары и отъ себя онъ посылаетъ по всѣмъ направленіямъ разнообразные товары и извѣстія.

Многочисленные заводы, фабрики и мастерскія города работаютъ не только на тѣхъ, кто живетъ въ самомъ городѣ, но и на тѣхъ, кто удаленъ отъ него на сотни и тысячи верстъ. Ежедневно нагружаются вагоны всяческими издѣліями города и отсылаются во всѣ стороны въ другіе города, въ другія страны. Ежедневно приходятъ сюда сотни вагоновъ съ издѣліями другихъ городовъ, другихъ странъ. Городъ поглощаетъ необъятную массу привозныхъ издѣлій и такую же необъятную массу своихъ издѣлій разсылаетъ во всѣ стороны отъ себя. Тысячами крѣпкихъ хозяйственныхъ нитей городъ связанъ со всѣмъ міромъ.

Въ городѣ время дорого. Поэтому тамъ не тратятся на хожденіе пѣшкомъ, въ особенности когда нужно пробираться съ одного конца города на другой: публика пользуется конками, трамваями и велосипедами (рис. 4). Дѣловые переговоры ведутся при помощи телефона. Какой-нибудь фабрикантъ, желая переговорить съ директоромъ своей фабрики, стоящей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ

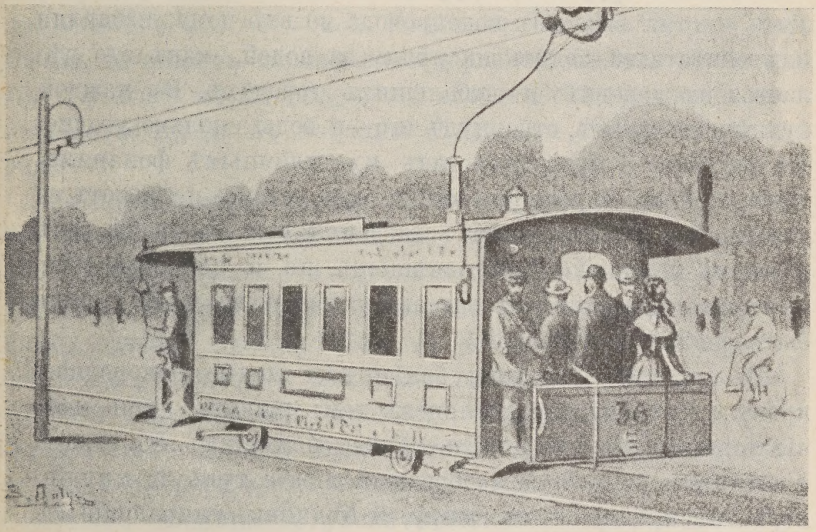


Рис. 4. Трамвай электрической желѣзной дороги.

его жилища, подходитъ къ особому аппарату, телефону, висящему на стѣнѣ, и нажимаетъ пуговку. Черезъ нѣсколько секундъ раздается звонъ колокольчика: знакъ, что на фабрикѣ узнали о желаніи хозяина говорить. Фабрикантъ приставляетъ одну изъ висящихъ на аппаратѣ трубокъ къ уху, а другую къ губамъ и говоритъ съ кѣмъ ему нужно, получая явственные отвѣты на свои вопросы. Въ городѣ нѣтъ ни одного мало-мальски порядочнаго промыш-

леннаго заведенія, въ которомъ не было бы телефона. Поэтому-то надъ крышами городскихъ домовъ, помимо телеграфныхъ, проходитъ множество телефонныхъ проволокъ. Трамваи, конки, велосипеды и телефоны страшно сокращаютъ время на переговоры.

Если бы намъ удалось проникнуть подъ городскую мостовую, мы увидѣли бы въ землѣ огромную сѣть всевозможныхъ трубокъ и трубъ. По однимъ трубкамъ бѣжитъ чистая вода изъ водопровода во всѣ дома, избавляя ихъ обитателей ходить на рѣчку за водой, какъ это дѣлается въ деревнѣ и небольшихъ городахъ. Въ каждой кухнѣ есть кранъ, отвернулъ его—и воды сколько угодно. По другимъ — проходитъ газъ къ уличнымъ фонарямъ. Есть особыя трубы, служащія для стока нечистотъ и дождевой воды. Во многихъ заграничныхъ городахъ газъ служитъ не только для освѣщенія, но и для отопленія. Поэтому подземная сѣть газовыхъ трубочекъ тамъ должна быть особенно обширной.

Въ деревнѣ населеніе болѣе или менѣе однородное: кромѣ крестьянъ-земледѣльцевъ тамъ живутъ лишь мелкіе торговцы, да гдѣ-нибудь вблизи помѣщикъ. Въ городѣ проживаетъ самый разнообразный людъ: тутъ и милліонеры, бѣснующіеся съ жиру, и бѣдняки, умирающіе съ голоду передъ окнами какого нибудь магазина съ съѣстными припасами; тутъ масса всевозможныхъ рабочихъ и служащихъ, купцовъ и банкировъ, газетчиковъ и книгоиздателей, писателей и артистовъ, военныхъ и чиновниковъ, учащейся молодежи и прислуги. Вся эта масса народа не нашла бы въ деревнѣ пропитанія и потому тянется въ большой городъ, гдѣ надѣется получить и подходящую для себя работу, и всевозможныя развлеченія.

Мы видимъ, какая огромная разница лежитъ между городской и деревенской жизнью. Недаромъ горожанинъ

съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотритъ на обывателя деревни; «сѣрый», «деревенщина»—вотъ клички, которыя раздаетъ онъ крестьянамъ.

Когда-то въ «доброе», старое время почти всѣ страны Европы жили простой деревенской жизнью. Лишь кое-гдѣ стояли большіе торговые города, но и тѣ далеко не походили на современные промышленные города: были меньше, проще, тише. Въ настоящее время городская жизнь привлекаетъ къ себѣ все больше и больше народу, и городъ начинаетъ царить надъ деревней. Сильно замѣтно это и у насъ въ Россіи, но въ особенности укоренилось господство города въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ.

Когда-то каждая страна, а въ странѣ почти каждая отдѣльная округа нисколько не нуждались въ общеніи съ другими странами и округами. Городъ и прилегающія къ нему деревни производили все нужное для жизни: пищу, одежду, жилище. Поэтому не было особой надобности въ удобныхъ и быстрыхъ путяхъ и способахъ сообщенія. Потребности огромнаго большинства жителей страны были просты, легко могли быть удовлетворены затратой ручного труда и поэтому люди не нуждались въ сложныхъ машинахъ, увеличивающихъ производительность труда.

Въ настоящее время ни одна культурная страна не можетъ жить безъ самой тѣсной связи съ другими странами, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ почты, безъ телеграфнаго и телефоннаго сообщенія, безъ разнообразныхъ сложныхъ и дорогихъ машинъ.

Теперь всюду господствуетъ товаръ. Люди по большей части работаютъ не прямо для себя, а для другихъ. Издѣлія своего труда они продаютъ и на вырученныя деньги покупаютъ все необходимое для жизни. Нужные имъ

продукты приготовляютъ другіе люди. Такимъ образомъ, между людьми существуетъ раздѣленіе труда. Всѣ нужныя для людей вещи продаются и покупаются, а такія вещи и называются товарами.

Но въ настоящее время господствуетъ не просто товаръ, а товаръ, произведенный капиталомъ. Это значитъ, что большинство товаровъ производятся въ огромныхъ фабрикахъ и заводахъ при помощи всевозможныхъ паровыхъ машинъ. Фабрики эти находятся во владѣніи людей, обладающихъ большими капиталами. Капиталисты озабочены тѣмъ, чтобы произвести и продать возможно больше товаровъ. Чѣмъ больше продаютъ они своихъ издѣлій, тѣмъ богаче становятся, тѣмъ сильнѣе растетъ ихъ капиталъ. Но чтобы легче сбыть свои товары, они нуждаются въ быстрыхъ, дешевыхъ и удобныхъ путяхъ сообщенія, въ быстромъ распространеніи извѣстій (т. е. въ телеграфѣ и телефонѣ). А чтобы произвести товары въ возможно большемъ количествѣ и болѣе выгоднымъ для себя способомъ, они нуждаются во все бо̀льшемъ и бо̀льшемъ усовершенствованіи машинъ, при помощи которыхъ работаютъ ихъ фабрики и заводы.

Капиталисты являются настоящими хозяевами современной жизни. Это они заставляютъ людей стягиваться въ большіе, промышленные и торговые города; это они покрыли землю желѣзными дорогами и окутали ее сѣтью телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ. Трудовой людъ выдѣлываетъ тысячи разнообразныхъ товаровъ на фабрикахъ, добываетъ золото изъ нѣдръ земли, потѣетъ надъ обработкой ея поверхности, но эти труды и заботы обогащаютъ не его, а капиталистовъ.

Взглянемъ на какую-нибудь фабрику. Огромное многоэтажное зданіе съ цѣлою сотней оконъ гремитъ и гудитъ отъ грохота машинъ. Высокая труба извергаетъ клубы

чернаго дыма. Внутри работаетъ масса людей,—есть тутъ и взрослые бородатые мужчины, и молодыя женщины, и подростки, и даже дѣти. Всѣ они суетятся около печей и машинъ, мѣряютъ, рѣжутъ, раскладываютъ сырой матеріалъ, распредѣляютъ его между различными машинами, переносятъ съ одного мѣста на другое, слѣдятъ за быстро вертящимися колесами, словомъ занимаются переработкой сырья въ издѣлія, годныя для употребленія.

И это огромное зданіе, и эти машины, и это сырье принадлежитъ фабриканту-капиталисту. Все это составляетъ его полную собственность. Рабочимъ здѣсь не принадлежитъ ничего: они работаютъ въ хозяйскомъ помѣщеніи, хозяйскими инструментами и надъ хозяйскимъ добромъ. Все, что они здѣсь выдѣлываютъ, опять таки принадлежитъ ихъ хозяину, а не имъ.

Но зачѣмъ же они пришли въ это душное помѣщеніе, зачѣмъ работаютъ они не на себя, а на чужого имъ человѣка? А затѣмъ, чтобы имѣть заработокъ, содержать себя и свою семью. Въ большинствѣ случаевъ у нихъ нѣтъ ни земли, ни денегъ, ничего, кромѣ пары рукъ, годныхъ для работы. И вотъ они отдаютъ эту пару рукъ тому, кто намѣренъ оплачивать ихъ трудъ. Такимъ лицомъ и является капиталистъ.

Рабочіе такъ же нуждаются въ капиталистѣ, какъ и капиталистъ въ нихъ. Но они нуждаются въ капиталистѣ потому, что тотъ покупаетъ ихъ рабочую силу, а капиталистъ нуждается въ нихъ потому, что безъ ихъ рабочей силы онъ не могъ бы извлекать изъ своей собственности никакой прибыли.

И такъ обстоитъ теперь дѣло повсюду, во всѣхъ культурныхъ странахъ. Съ одной стороны мы видимъ хозяевъ, крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, собственниковъ земли, фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, машинъ и сырья;

съ другой стороны—рабочихъ,—людей, по большей части лишенныхъ всякой недвижимой собственности и не имѣющихъ возможности вести свое собственное дѣло, а потому принужденныхъ работать по найму.

Все то богатство, которое создается на фабрикахъ и заводахъ, попадаетъ въ распоряженіе капиталистовъ. Рабочіе же, своимъ трудомъ создающіе эти богатства, питаются крохами, падающими со стола первыхъ.

Но, какъ уже сказано, такой капиталистическій порядокъ жизни существовалъ не всегда. Онъ пришелъ на смѣну болѣе простому укладу жизни. Посмотримъ же, какъ онъ появился, какъ развивался и какъ утвердился на землѣ.

II.

Наканунѣ капитализма.

Раньше всего капиталистическій порядокъ появился въ Англіи. Наканунѣ его появленія эта страна представляла слѣдующую картину.

Значительная часть земли находилась въ рукахъ мелкаго крестьянства. Крестьяне обрабатывали ее такъ же, какъ, напр., обрабатываютъ свои земли въ настоящее время русскіе крестьяне: при помощи плохого плуга, сохи и бороны. Хозяйство велось трехпольное, сѣвооборотъ былъ принудительный. Хотя крѣпостное право исчезло въ Англіи въ концѣ 14 вѣка, т. е. за четыреста лѣтъ до описываемаго времени, но связь между бариномъ-землевладѣльцемъ и крестьянами еще не порвалась окончательно: у нихъ были въ общемъ владѣніи лѣса и луга. Эти угодья назывались общинными, такъ какъ они принадлежали всей общинѣ, включая сюда и помѣщика. Такимъ

образомъ помѣщикъ и окружающіе его крестьяне пользовались однимъ и тѣмъ же лѣсомъ, одними и тѣми же лугами. Нерѣдко даже и пахотная барская земля лежала вперемежку съ крестьянской.

Когда помѣщики сами вели свое хозяйство, то они, по большей части, не распахивали своихъ полей, а разводили овецъ. Дѣлали они это ради шерсти, которую сбывали купцамъ для выдѣлки сукна и другихъ шерстяныхъ матерій.

Въ большинствѣ же случаевъ, сами помѣщики вовсе не вели хозяйства, а сдавали свою землю въ аренду. Арендаторы—ихъ называютъ въ Англіи фермерами—были бо́льшею частью довольно состоятельными людьми. Они забирали въ аренду довольно много земли; часть ея обрабатывали сами при помощи наемныхъ рабочихъ, а часть въ свою очередь передавали въ аренду разнаго рода мелкому люду: безземельнымъ крестьянамъ, ремесленникамъ и т. п.

Многіе крестьяне не могли жить только своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Они принуждены были искать подсобныхъ промысловъ. Самымъ распространеннымъ изъ такихъ промысловъ было ткачество. Этимъ дѣломъ занимались какъ крестьяне, такъ и мелкіе арендаторы.

Но какъ бы то ни было, большинство крестьянъ производило своими руками почти все, въ чемъ они нуждались. Недостающія вещи они покупали въ сосѣднемъ городѣ, у тамошнихъ ремесленниковъ. Заморскихъ товаровъ они не знали и не потребляли ихъ.

Тотъ же самый видъ имѣло крестьянское хозяйство и въ другихъ странахъ Европы. Разница заключалась лишь въ томъ, что въ Англіи оно начинало рушиться уже въ концѣ XVIII-го вѣка, а въ другихъ странахъ сохранилось отчасти еще и до нашихъ дней.

Промышленность находилась въ то время въ рукахъ мелкихъ ремесленниковъ (рис. 5). Еще не было огромныхъ фабрикъ съ вѣчно дымящимися трубами и тысячами рабочихъ, толпящихся подъ ихъ сводами. Ремесленники жили отчасти въ городахъ, отчасти въ деревняхъ, имѣли небольшія мастерскія, гдѣ работали сами съ небольшимъ количествомъ подмастерьевъ и учениковъ. Они составляли особые ремесленные союзы, цехи[1]), но цеховыя правила уже плохо соблюдались.

Рис. 5. Ремесленникъ за работой. Рѣзчикъ по мѣди.

Самою крупною отраслью промышленности въ Англіи 18 вѣка были шерстяная, желѣзодѣлательная и шелковая. Существовали еще въ небольшихъ размѣрахъ льняное и хлопчато-бумажное производства. И замѣчательно, что эта промышленность ютилась не въ городѣ, а въ деревнѣ. Вотъ что говоритъ англійскій писатель того времени, Дефо, о суконной промышленности:

«Земля близъ Галифакса была раздѣлена на небольшіе огороженные участки, отъ 2 до 6 и 7 акровъ каждый,

[1]) См. о цеховомъ устройствѣ въ книжкѣ „Средневѣковье“.

рѣдко больше. Каждые три-четыре участка имѣли при себѣ усадьбу. Отдѣльные дома стоятъ почти всегда на разстояніи человѣческаго голоса одинъ отъ другого... Во всякомъ домѣ можно видѣть раму для натягиванія, и почти на каждой рамѣ—сукно, каразею или тонкую шерстяную матерію... Всякій порядочный по размѣрамъ домъ былъ мастерской... Всякій суконщикъ держитъ по крайней мѣрѣ одну лошадь, на которой ѣздитъ со своимъ товаромъ на рынокъ; всякій имѣетъ одну-двѣ коровы, и даже больше, для прокормленія семьи. Такимъ образомъ, почти весь маленькій участокъ загороженной земли вокругъ каждаго дома занятъ; зернового хлѣба сѣютъ едва столько, чтобы хватило на кормъ домашней птицы. Дома полны дюжихъ молодцовъ: кто у красильныхъ чановъ, кто у ткацкихъ станковъ, кто лощитъ сукно. Женщины и дѣти расчесываютъ шерсть или прядутъ. Всѣ работаютъ отъ мала до велика».

Дефо описываетъ намъ самостоятельныхъ суконщиковъ, которые ведутъ свое дѣло всецѣло своими средствами. Они сами покупаютъ шерсть, сами, при помощи своихъ женъ и дочерей, прядутъ пряжу, сами ткутъ сукно и сами же сбываютъ на ближайшемъ городскомъ рынкѣ. Въ свободное отъ работы время ткачъ выходитъ въ свой огородъ и берется за заступъ.

Съ теченіемъ времени, однако, ткачи, а также и другіе ремесленники мало-по-малу теряли свою самостоятельность. Ихъ стали забирать въ свои руки люди съ капиталами, прежде всего купцы. Эти послѣдніе ѣздили по ярмаркамъ и фермамъ и скупали шерсть. Отдѣливъ длинную шерсть отъ короткой, они отдавали длинную чесальщикамъ и затѣмъ отправляли ее въ деревню къ ткачамъ. Ткачи сначала покупали эту шерсть, а затѣмъ стали брать ее на заказъ,—выдѣланное сукно они передавали

купцу, отъ котораго получали за работу деньги. Послѣ этого купецъ разыскивалъ красильщиковъ и отдавалъ ткань въ окраску. Такимъ образомъ мало-по-малу установился новый порядокъ всего производства. Изъ рукъ самостоятельныхъ ремесленниковъ приготовленіе тканей попало въ руки купцовъ, а ремесленники превратились какъ бы въ наемныхъ рабочихъ, все отличіе которыхъ отъ фабричныхъ рабочихъ состоитъ лишь въ томъ, что они работали у себя на дому. Купецъ скупалъ сырье, отдавалъ его на выдѣлку сначала чесальщикамъ, затѣмъ прядильщикамъ, потомъ ткачамъ и, наконецъ, красильщикамъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ купецъ снабжалъ ремесленниковъ даже своими инструментами. Такъ было, напримѣръ, въ вязальномъ производствѣ: вязальныя машины нерѣдко принадлежали хозяевамъ-купцамъ.

Встрѣчались въ то время, хотя и не часто, и нѣчто вродѣ небольшихъ фабрикъ или заводовъ. Какой-нибудь купецъ находилъ невыгоднымъ разъѣзжать по деревнямъ и разыскивать рабочихъ. Онъ приходилъ къ той мысли, что несравненно удобнѣе собирать этихъ рабочихъ вмѣстѣ, подъ одной крышей. Съ этой цѣлью онъ выстраивалъ обширное зданіе, ставилъ туда станки и нанималъ желающихъ работать. Въ этихъ большихъ мастерскихъ работало человѣкъ до 50, даже до 150. Но, повторяемъ, такихъ соединенныхъ мастерскихъ [1]), какъ назывались эти большія мастерскія,—было, сравнительно, очень немного въ то время.

Такъ обстояло дѣло во всѣхъ главныхъ отрасляхъ производства. Мы видимъ, что организація, т. е. устройство

[1]) Соединенными они назывались потому, что подъ одной крышей стояло много станковъ и работало много рабочихъ; здѣсь помѣщалось какъ бы нѣсколько мастерскихъ.

всего дѣла было совершенно другое, чѣмъ въ настоящее время. Правда, уже и тогда были зачатки теперешнихъ хозяйственныхъ порядковъ: были хозяева—собственники сырья, были наемные рабочіе, были даже особыя помѣщенія, гдѣ рабочіе обрабатывали сообща хозяйскій матеріалъ, но еще не было ни милліонеровъ-фабрикантовъ, ни огромныхъ фабрикъ съ многими тысячами рабочихъ; все это возникло послѣ.

Размѣры производства были совсѣмъ ничтожны по сравненію съ производствомъ нашихъ дней. Для примѣра укажемъ на то, что въ 1737 году въ Англіи производилось 17300 тоннъ желѣза, а въ настоящее время около 4 милліоновъ тоннъ, т. е. почти въ 250 разъ больше. Почти во столько же разъ увеличилось и производство другихъ товаровъ.

Посмотримъ теперь, какъ производилась въ то время торговля и какъ велика она была.

Каждая округа имѣла свой рынокъ, обыкновенно въ городѣ. Въ опредѣленные дни сюда стекались крестьяне изъ окрестныхъ деревень и суконщики съ своими суконами, тутъ же—на рынкѣ—раскладывали свои произведенія мѣстные ремесленники, и происходилъ торгъ (рис. 6). Во многихъ городахъ раза 3—4 въ годъ устраивались ярмарки. Здѣсь происходила крупная торговля, производилась продажа и дѣлалась закупка большими партіями товара.

Особенно сильно развита была развозная торговля. Закупивъ на ярмаркѣ или въ другомъ мѣстѣ много разнообразныхъ товаровъ, торговецъ наполнялъ ими повозку или нагружалъ на спину лошадямъ и развозилъ по странѣ. Чтобы вести такую торговлю, въ то время требовалась большая ловкость, мужество и терпѣніе, такъ какъ пути сообщенія находились въ полномъ неустройствѣ: мо-

щеныхъ дорогъ не существовало, непролазная грязь и выбоины могли испортить любую повозку и довести путника до полнаго отчаянія. Больше всего удобствъ представляли рѣки, и купцы пользовались ими больше, чѣмъ сухимъ путемъ.

Благодаря такимъ плохимъ дорогамъ отдѣльныя мѣст-

Рис. 6. Торговля на городской площади (въ Германіи).

ности страны не имѣли между собою постояннаго и правильнаго сообщенія. Множество деревень и даже цѣлые обширные округа не получали издалека почти никакихъ товаровъ и потребляли все свое.

Въ такомъ состояніи находилась внутренняя торговля. Внѣшняя, т. е. торговля съ другими странами, была еще менѣе развита.

Каждая страна производила сама все, въ чемъ нуждалась масса ея населенія. Только богатые люди требовали иностранныхъ товаровъ: дорогихъ вещей, драгоцѣнныхъ камней, тонкихъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, разныхъ прянностей и напитковъ. Всѣ эти вещи составляли главные предметы внѣшней торговли. Впрочемъ, наряду съ ними торговали и сырьемъ. Такъ, въ Англію ввозили изъ Бельгіи пеньку, изъ Россіи ленъ и т. п.

Англія вела въ то время самую обширную внѣшнюю торговлю. Всѣ другія страны не могли соперничать съ нею ни по количеству ввозимыхъ, ни по количеству вывозимыхъ товаровъ. Англія вывозила въ другія страны шерстяныя издѣлія, обдѣланныя кожи, желѣзныя издѣлія, свинецъ, серебро и нѣкоторые другіе товары. Изъ другихъ странъ она получала тонкія вина, спиртъ, чай, кофе, сахаръ, перецъ и другія прянности, мѣха, а также, какъ уже сказано выше, шерсть, пеньку, ленъ.

По сравненію съ внутренней, внѣшняя торговля имѣла небольшіе размѣры, а мы видѣли, что и внутренняя торговля не отличалась большими оборотами. Вычислено, что изъ 32 рублей, которыя тратилъ англичанинъ на покупку всякихъ товаровъ, только одинъ рубль шелъ на пріобрѣтеніе заграничныхъ товаровъ. Другими словами внѣшняя торговля въ Англіи составляла одну тридцать вторую внутренней. Въ другихъ странахъ и того меньше. Нечего и сравнивать торговлю того времени съ международной торговлей нашихъ дней.

Къ тому же тогда еще не пользовались желѣзными дорогами, пароходами, телеграфомъ. Морскіе корабли двигались вѣтромъ при помощи парусовъ. Величина ихъ рѣдко превышала 900 тоннъ, въ то время, какъ теперь морскіе пароходы обыкновенно имѣютъ около 10 — 13000 тоннъ водоизмѣстимости.

Англійское правительство всячески покровительствовало и поощряло промышленность и торговлю. Промышленникамъ давали всякія льготы, освобождая ихъ отъ платежа налоговъ и отъ подчиненія стариннымъ цеховымъ правиламъ. Правда, не вся промышленность пользовалась такимъ покровительствомъ, а лишь нѣкоторыя ея отрасли. Въ Англіи 18 вѣка правительство оказывало особое вниманіе шерстяной и шелковой промышленности, а также морскому судоходству.

Что касается внѣшней торговли, то старались о томъ, чтобы вывозъ всегда превышалъ ввозъ. При этомъ разсуждали такъ: чѣмъ больше страна продастъ своихъ издѣлій и чѣмъ меньше купитъ издѣлій иностранныхъ, тѣмъ больше у нея будетъ денегъ, тѣмъ богаче станетъ она. И вотъ, чтобы достигнуть этого, Англія запрещала ввозъ многихъ заграничныхъ товаровъ и обкладывала другіе высокими пошлинами; въ то же время выдавались преміи (награды) купцамъ, продававшимъ за границу англійскія издѣлія.

Примѣру Англіи слѣдовали и всѣ другія торговыя страны. Однако это покровительство шло въ пользу не столько самой промышленности, сколько промышленникамъ. Въ концѣ 18 вѣка въ Англіи укрѣпилось хлопчато-бумажное производство, несмотря на то, что не пользовалось никакими льготами. Напротивъ, производство шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, несмотря на все покровительство, пришло въ упадокъ.

III.

Какъ появились крупные капиталы.

Для того, чтобы завести обширное промышленное или торговое предпріятіе, необходимы крупные денежные ка-

питалы. Слѣдовательно, были такіе люди, которые сумѣли собрать такъ много денегъ, чтобы имѣть возможность сразу же пустить въ ходъ большое предпріятіе. Откуда же взяли они эти деньги?

Мы видѣли, что торговля вовсе не была такъ обширна, чтобы купцы могли сколачивать на ней очень большіе капиталы. Промышленность же находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ ремесленниковъ. Среди же ремесленниковъ могли быть очень состоятельные люди, но ни одинъ изъ нихъ не могъ своимъ трудомъ сколотить себѣ большое денежное богатство. Не тяжелымъ трудомъ, а иначе составлялись капиталы.

Въ теченіе многихъ вѣковъ земля составляла самое главное богатство народовъ Европы, и люди, владѣвшіе землей, представляли первенствующее сословіе въ государствѣ. Далекія путешествія съ торговыми цѣлями, отправка кораблей въ чужія страны и многія другія торговыя дѣла не подъ силу были обыкновеннымъ купцамъ. Если же за эти дѣла брался крупный земельный собственникъ, то получалъ огромные барыши. Въ случаѣ неудачи онъ не разорялся совсѣмъ: у него, вѣдь, была земля, которая всегда приносила доходъ. Впрочемъ, собственники рѣдко брались за торговыя дѣла самолично: это были дворяне, которымъ «дворянская честь» не позволяла заниматься торговлей. Но зато они дѣйствовали черезъ довѣренныхъ людей или же ссужали деньгами обыкновенныхъ купцовъ. Какъ бы тамъ ни было, львиная доля барышей отъ такихъ предпріятій попадала имъ въ руки.

«Благородное дворянство» обогащалось еще и другимъ путемъ. На ихъ земляхъ сидѣло множество зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ. Извѣстно, что мужикъ на то и созданъ, чтобы работать на барина. Баринъ понималъ это лучше, чѣмъ кто-либо другой. Крестьяне нещадно обла-

гались всякими налогами, и крестьянскій подневольный трудъ наполнялъ барскіе карманы и сундуки звонкой монетой.

Когда стала развиваться торговля, появились обширные торговые города. По мѣрѣ роста торговли, росли и города. Отовсюду стекался сюда народъ въ поискахъ за работой, являлись рабочіе, мелкіе и крупные лавочники, купцы и т. д. Но почти всюду городская земля издавна находилась во владѣніи сравнительно немногихъ дворянскихъ семей. Собственники городской земли не даромъ уступали ее подъ новыя постройки растущаго города; они получали за нее огромную ренту, и эта рента все росла и росла. Вмѣстѣ съ этимъ росли и денежные капиталы въ рукахъ землевладѣльцевъ.

Такими-то разнообразными путями во владѣніи отдѣльныхъ лицъ скапливались большія денежныя богатства.

Всѣми этими способами деньги попадали преимущественно къ людямъ дворянскаго происхожденія. Между тѣмъ были и другіе источники обогащенія, одинаково питавшіе всѣхъ, кто къ нимъ наклонялся: это были грабежъ колоній и торговля людьми.

Въ концѣ 15-го вѣка была открыта Америка, а въ Америкѣ оказалось много золота. И вотъ европейцы бросились на добычу съ неописуемой жадностью. Грабежъ продолжался около трехъ столѣтій подъ рядъ. Грабили до тѣхъ поръ, пока не ограбили все до-чиста. Испанцы, португальцы, французы, англичане, голландцы старались захватить побольше земли въ новооткрытыхъ странахъ и объявляли ихъ своими колоніями. И въ эти колоніи то и дѣло вторгались толпы жадныхъ до золота европейцевъ и заставляли туземцевъ то силой, то обманомъ отдавать имъ все то золото, которое они носили на себѣ въ

видѣ украшеній, которымъ были украшены дворцы ихъ королей и храмы ихъ боговъ. Затѣмъ при помощи тѣхъ же туземцевъ разыскивались мѣстонахожденія золота, и золото дочиста выбиралось.

Грабежъ туземцевъ происходилъ нерѣдко подъ видомъ торговли съ ними. Но въ чемъ же состояла эта торговля? Пріѣзжій купецъ, испанецъ или англичанинъ, привозилъ множество бездѣлушекъ: зеркала, бубенчики, колокольца, гребешки, духи, мыло, блестящія пуговицы, крашеныя матеріи, бритвы и проч. и все это сбывалъ туземцамъ. Товаръ былъ дрянной и дешевый, но разсчитанъ на то, чтобы плѣнить внѣшнимъ видомъ наивнаго дикаря. Въ обмѣнъ за это брали золото и притомъ въ десять, сто разъ больше, чѣмъ стоили проданныя вещи. Если же дикари упрямились, ихъ попросту силой заставляли принимать товары и давать золото. Когда у дикарей не оказывалось золота сейчасъ, имъ охотно давали въ долгъ, съ обязательствомъ, что къ такому-то сроку они доставятъ столько-то золота. И чтобы дикари чувствовали надъ собой постоянный надзоръ ихъ поработителей, европейцы строили въ своихъ колоніяхъ крѣпости и содержали тамъ отряды войска. Въ случаѣ неповиновенія или отказа уплатить долги, къ виновнымъ являлись солдаты и жестоко расправлялись съ ними. Наряду съ сбытомъ туземцамъ всякой дряни, ихъ усиленно спаивали водкой, дотолѣ имъ совсѣмъ неизвѣстной.

Не довольствуясь прямымъ грабежомъ коренныхъ жителей колоній, европейцы нерѣдко обращали ихъ въ рабство. Въ Америкѣ ихъ заставляли добывать золото и воздѣлывать сахарный тростникъ. Въ другихъ мѣстахъ (въ Азіи, Африкѣ, Австраліи) повторялась та же самая исторія: всюду европейцы смотрѣли на туземцевъ, какъ на людей, самой природой созданныхъ для подневольнаго

труда. Но вездѣ и всюду туземцы оказывались мало способными къ непосильной работѣ изъ-подъ палки надсмотрщика. Жители Америки, индѣйцы, быстро умирали, не вынесши тяжкаго невольничества. Нерѣдко они сами предпочитали смерть рабскому труду.

До чего быстро вымирало туземное населеніе тамъ, гдѣ появлялись европейцы, показываютъ, напр., слѣдующія цифры: европейцы (испанцы) впервые появились на островѣ Ямайкѣ (между Сѣверной и Южной Америкой) въ 1503 году, а черезъ 55 лѣтъ, въ 1558 году на этомъ островѣ не осталось въ живыхъ уже ни одного индѣйца. На другомъ, сосѣднемъ островѣ Гаити при завоеваніи въ 1508 году было 60,000 народу, а въ 1548 году, т. е. черезъ 40 лѣтъ, осталось около 500 человѣкъ. Въ томъ же году исчезло туземное населеніе также и на островѣ Кубѣ (находится тамъ же, гдѣ и два предыдущихъ). Такъ дѣйствовали европейцы въ погонѣ за золотомъ, желая скорѣе обогатиться. И они обогащались, но ихъ богатства были пріобрѣтены цѣною жизни десятковъ тысячъ людей.

Когда европейцы убѣдились, что индѣйцы Америки не способны выдержать рабскаго труда на сахарныхъ плантаціяхъ и золотыхъ розсыпяхъ, они стали ввозить сюда негровъ изъ Африки. Этотъ черный народъ имѣлъ не только крѣпкіе мускулы, но и способность къ длительной тяжелой работѣ. Первые негры были привезены въ Америку въ 1501 году, и съ этихъ поръ начинается оживленная торговля «живымъ товаромъ». Три съ половиной столѣтія продолжалась она, и за это время изъ Африки было вывезено въ Америку нѣсколько милліоновъ негровъ. Въ 18 столѣтіи ежегодно посылалось въ Америку около 100 тысячъ черныхъ рабовъ.

На этой торговлѣ наживали огромныя деньги. Дѣло

велось такимъ образомъ. Въ какой нибудь негрской деревнѣ появлялся торговецъ, заходилъ къ начальнику племени и предлагалъ ему продать нѣсколько десятковъ его подданныхъ. Уломать начальника ничего не стоило: онъ получалъ подарки въ видѣ всякихъ бездѣлушекъ и водки, а также деньги за каждаго проданнаго имъ человѣка. Затѣмъ приходили вооруженные люди и хватали проданныхъ негровъ. Бывали—и довольно часто—случаи, когда дѣло велось еще проще: людей не покупали, а просто забирали въ плѣнъ и уводили съ собой. Когда набиралось достаточное количество «товару», имъ нагружали корабль. Людей запихивали въ тѣсныя душныя каморки подъ палубой, нерѣдко накладывали на нихъ цѣпи, во время длиннаго пути въ Америку скверно кормили и еще хуже обращались. Не всѣ выносили тяжелыя условія такого путешествія, и масса негровъ умирала въ дорогѣ. Трупы ихъ бросали въ воду на съѣденіе акуламъ, цѣлыми толпами плывшимъ за невольничьимъ кораблемъ. По пріѣздѣ въ Америку негровъ продавали за цѣну въ десять разъ большую той, за которую они были куплены (рис. 7). Въ рабствѣ ихъ ожидала жизнь, полная мученій, и нерѣдко они умирали подъ плетьми надсмотрщика.

Вотъ тѣ способы и средства, при помощи которыхъ люди наживали необъятныя денежныя богатства. Изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, изъ столѣтія въ столѣтіе вооруженные и сильные грабили, притѣсняли, убивали и мучили слабыхъ и кровь ихъ превращали въ деньги. И это дѣлали европейцы, христіане по своей вѣрѣ. Одинъ писатель, проникнутый рвеніемъ къ христіанской религіи, описывая всѣ эти ужасы, съ горечью говоритъ: «Варварство и злодѣйство такъ называемыхъ христіанскихъ народовъ во всѣхъ странахъ свѣта и про-

тивъ всѣхъ народовъ, которыхъ они только могутъ пора-

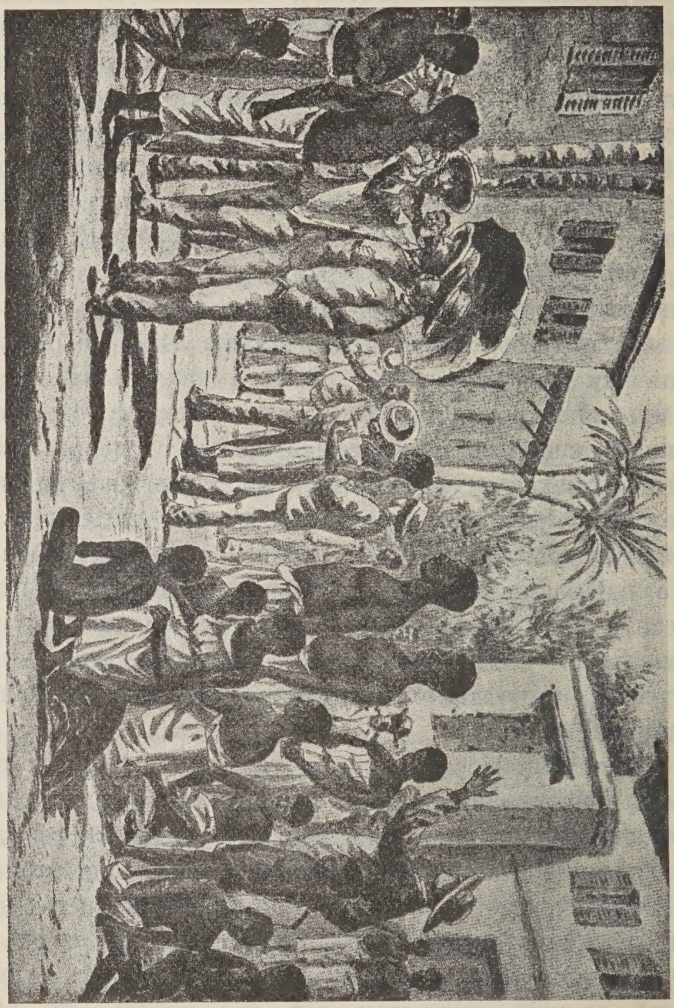


Рис. 7. Невольничій рынокъ на островѣ Кубѣ (въ 19 вѣкѣ).

ботить, не имѣютъ ничего подобнаго ни въ какія времена всемірной исторіи, ни въ какомъ другомъ наро-

дѣ, какъ бы онъ ни былъ дикъ, мало образованъ, безстыденъ».

Торговля неграми была окончательно уничтожена только въ 1862 году.

IV.

Обезземеленіе крестьянъ.

Какъ мы уже знаемъ, современное крупное производство (фабричное, заводское и т. п. предпріятія) требуетъ не только огромныхъ денежныхъ капиталовъ, но и массы рабочихъ, лишенныхъ всякой собственности и потому принужденныхъ работать по найму. Въ настоящее время фабрично-заводскіе рабочіе составляютъ особый общественный классъ, классъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріатъ. Въ прежнія времена такихъ рабочихъ было немного, огромное большинство ихъ либо сами имѣли свои мастерскія, либо работали въ этихъ мастерскихъ въ качествѣ подмастерьевъ. Откуда же взялись тѣ массы рабочихъ, которые наполняютъ современные фабрики и заводы? Несомнѣнно, что въ число ихъ попало множество бывшихъ ремесленниковъ и крестьянъ: не дворяне же и купцы пошли работать на фабрики! Но какая сила заставила ремесленника бросить свой домъ и клокъ земли, свои инструменты, словомъ все свое хозяйство и идти на фабрику, работать по найму? И почему то же самое сдѣлалъ крестьянинъ?

О томъ, какія причины заставили бывшихъ ремесленниковъ стать въ ряды наемныхъ фабричныхъ рабочихъ, мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Теперь же разскажемъ печальную повѣсть о томъ, какъ крестьяне превратились въ людей, лишенныхъ земли и собствен-

наго хозяйства и принужденныхъ бродить по свѣту въ поискахъ за работой.

До тѣхъ поръ, пока крестьяне имѣли свою землю, они крѣпко держались за свое крестьянское хозяйство. Имъ незачѣмъ было бѣжать «куда глаза глядятъ» и искать работы. Но времена мѣняются! Независимо отъ воли и желанія крестьянъ, даже вопреки имъ, твердая почва, на которой они въ теченіи столѣтій такъ крѣпко стояли, вдругъ заколебалась, и началась страшная ломка всей ихъ привычной жизни. Масса крестьянъ потеряла свои земельные участки, хозяйство ихъ разрушилось, и они превратились въ голышей, безъ крова и пріюта.

Это событіе называютъ обезземеленіемъ крестьянства. Во всѣхъ почти европейскихъ странахъ оно проходило болѣе или менѣе одинаково, съ той только разницей, что въ однихъ странахъ оно прошло быстрѣе, въ другихъ медленнѣе, въ третьихъ происходитъ еще и въ наши дни. Посмотримъ, какъ случилось обезземеленіе крестьянъ въ Англіи, гдѣ оно произошло раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Мы уже говорили, что въ Англіи крѣпостное право исчезло еще въ концѣ 14-го вѣка, но что нѣкоторыя земельныя угодья, какъ то—лѣса и луга, находились въ общемъ владѣніи крестьянъ и ихъ бывшихъ владѣльцевъ, помѣщиковъ. До поры до времени помѣщики ничего не возражали противъ такой общности владѣнія. Но уже въ 15 вѣкѣ многіе изъ нихъ возымѣли желаніе присвоить эти земли исключительно въ свои руки. Общее владѣніе оказывалось невыгоднымъ для помѣщика, онъ долженъ былъ приспособляться къ крестьянскому хозяйству: рубить лѣсъ и пользоваться лугами съ такимъ разсчетомъ, чтобы это не мѣшало и крестьянамъ. А между тѣмъ крестьяне вели свое хозяйство по старинѣ, въ то время

какъ многіе помѣщики заводили на своихъ земляхъ уже новые порядки обработки и посѣва. Совмѣстное пользованіе лугами становилось для помѣщиковъ невыгоднымъ. Къ тому же въ это время стала развиваться шерстяная промышленность, требовалось много шерсти, и помѣщикамъ стало выгоднымъ превращать свои земли въ пастбища, на которыхъ паслись огромныя стада овецъ. Чѣмъ больше было у нихъ такихъ пастбищъ, тѣмъ больше доходовъ имѣли они. И это влекло ихъ къ тому, чтобы овладѣть общинными землями крестьянъ. И вотъ, начиная съ 15 вѣка, помѣщики стали захватывать эти земли. Они то откупали ихъ у крестьянъ, то просто объявляли ихъ своей собственностью, огораживали и запрещали крестьянамъ пользоваться ими. Въ случаѣ сопротивленія помѣщики прибѣгали къ военной силѣ. Правительство не защищало крестьянъ, такъ какъ оно состояло изъ тѣхъ же помѣщиковъ и естественно защищало интересы этихъ послѣднихъ. Чѣмъ ближе подвигалось время къ 19 вѣку, тѣмъ все больше и больше происходили эти захваты. Особенной силы захватъ общинныхъ земель достигъ во второй половинѣ 18 и въ началѣ 19 вѣка. Какой величины достигли захваты, видно изъ слѣдующихъ цыфръ: отъ 1710 до 1760 года, т. е. за 50 лѣтъ, было захвачено (или, какъ говорятъ еще, огорожено) около 300.000 акровъ, а отъ 1760 до 1843 г., т. е. за 83 года,— около 7.000.000 акровъ. Слѣдовательно, въ первые 50 лѣтъ среднимъ числомъ огораживали ежегодно по 6000 акровъ, а въ слѣдующіе 83 года—по 85.000 акровъ. А это значитъ, что ежегодно отрывались отъ земли сотни и тысячи крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда крестьяне лишались лѣса и луговъ, могли ли они заниматься хозяйствомъ? Конечно, нѣтъ. Они продавали свою землю тому же помѣщику и уходили въ городъ.

«Во многихъ мѣстахъ Гертфордшира (названіе одного изъ англійскихъ графствъ; графствомъ называютъ въ Англіи область вродѣ нашей губерніи)—говоритъ одинъ писатель конца 18 вѣка—24 фермы, каждая отъ 50 до 150 акровъ, слились въ 3». Это значитъ, что помѣщикъ выжилъ 21 фермера и сдалъ землю только троимъ, которые могли вести обширное хозяйство и приносить ему большіе доходы. «Въ Нортгемптоширѣ и Линкольширѣ—сообщаетъ тотъ же писатель—включеніе общинныхъ земель въ частную собственность сильно распространено, и большая часть новыхъ помѣстій, образовавшихся изъ этихъ земель, обращены въ пастбища, вслѣдствіе чего теперь подъ плугомъ нѣтъ и 50 акровъ тамъ, гдѣ раньше обрабатывалось 1500 акровъ. Развалины прежнихъ жилищъ, амбаровъ, хлѣвовъ и т. п. представляютъ единственные слѣды прежнихъ обитателей. Сотни домовъ и семействъ во многихъ мѣстахъ сократились до 8 и 10. Число землевладѣльцевъ по сравненію съ прежнимъ временемъ сильно уменьшилось. Нерѣдко случается, что четыре или пять крупныхъ скотоводовъ захватываютъ обширныя огороженныя помѣстья, бывшія прежде въ рукахъ 20—30 фермеровъ и еще гораздо больше мелкихъ собственниковъ и крестьянъ. Всѣ они изгнаны съ своими семействами изъ своихъ владѣній, вмѣстѣ со многими другими семействами, работавшими на нихъ». Другой писатель того же времени говоритъ, что «если земля попадаетъ въ руки немногихъ крупныхъ арендаторовъ, то мелкіе фермеры обращаются въ людей, принужденныхъ поддерживать свое существованіе работой на другихъ и которые за всѣмъ необходимымъ должны идти на рынокъ».

Итакъ, мы видимъ, что лишенные земли крестьяне и мелкіе фермеры (т. е. тѣ же крестьяне) обрекались на жизнь наемныхъ рабочихъ, они должны были искать работы,

за которую имъ платили бы деньгами, и на эти деньги они покупали себѣ все необходимое на рынкѣ. Съ увеличеніемъ числа такихъ покупателей, на рынкѣ появились и такіе предметы, которые раньше продавались лишь въ ничтожномъ количествѣ: простые пищевые продукты, одежа, обувь, посуда, мебель и т. п. Но это мы отмѣчаемъ здѣсь между прочимъ, главное же для насъ то, что эти обезземеленные крестьяне вошли въ составъ класса фабричныхъ рабочихъ. Какъ и почему они нашли себѣ работу на фабрикахъ и заводахъ, а не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, мы будемъ говорить дальше.

Обезземеленіе крестьянъ производилось и другимъ, болѣе простымъ и грубымъ способомъ. Крестьяне, жившіе въ какой либо мѣстности десятки и сотни лѣтъ, вдругъ узнавали, что на ихъ землю есть собственникъ и что этотъ собственникъ проситъ ихъ убираться по добру-поздорову. Такъ происходило дѣло, напримѣръ, въ Шотландіи (страна эта вмѣстѣ съ Англіей и Ирландіей входитъ въ составъ Великобританіи).

Издавна Шотландія дѣлилась на рядъ областей, называвшихся *кланами*. Во главѣ каждаго клана стоялъ князь, управлявшій областью. Понятно, что князь былъ только правителемъ, но отнюдь не собственникомъ земли клана. Однако въ 18 вѣкѣ, когда въ Англіи происходили «огораживанія», князья объявили земли клана своею собственностью, а жителей клана, занятыхъ обработкой земли, своими арендаторами. Крестьяне не могли оказать никакого отпора этому явному грабежу ихъ земли: князья находили поддержку въ правительствѣ Англіи и посылали англійскихъ солдатъ для усмиренія непокорныхъ. Кое-гдѣ началось насильственное выселеніе крестьянъ, объявленныхъ арендаторами. Но особенно часто стала примѣняться эта мѣра съ начала 19 вѣка. Для примѣра

разскажемъ исторію изгнанія крестьянъ изъ владѣній графини Сугерландъ.

Въ то время, какъ графиня вступила во владѣніе своими шотландскими имѣніями, въ нихъ жило 15 тысячъ народу. Въ сущности эти земли вовсе не составляли ея собственности, но ихъ присвоилъ себѣ, на манеръ другихъ князей Шотландіи, одинъ изъ ея близкихъ родственниковъ и передалъ ихъ по наслѣдству графинѣ. Графиня изъявила желаніе, чтобы крестьяне покинули ея владѣнія, такъ какъ она не хочетъ больше сдавать имъ землю въ аренду. Крестьяне, съ незапамятныхъ временъ жившіе въ этихъ мѣстахъ и привыкшіе считать обрабатывавшуюся ихъ руками землю своею, отказались покинуть свои насиженныя мѣста. Тогда графиня обратилась къ властямъ предержащимъ съ жалобой на непокорныхъ; тотчасъ же были посланы солдаты на усмиреніе. Храброе воинство съ яростью набросилось на безоружныхъ крестьянъ,—сжигало ихъ деревни, вытаптывало посѣвы и луга. Не вездѣ, однако, крестьяне покорно смотрѣли на гибель своего хозяйства; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они оказывали упорное сопротивленіе, и деревни приходилось брать съ бою. Усмиреніе непокорныхъ и водвореніе порядка началось въ 1814 году и окончилось только въ 1820. Королевскія войска прогнали крестьянъ, и въ распоряженіи графини Сутерландъ оказалось болѣе 800 тысячъ акровъ земли. На захваченной землѣ было основано 29 овечьихъ фермъ и въ каждой изъ нихъ жило по одному семейству батраковъ. Въ 1825 году на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше жило 15 тысячъ человѣкъ, паслось 131 тысяча овецъ. Изгнанники же получили 6000 акровъ по берегу моря, гдѣ нельзя было заниматься земледѣліемъ и гдѣ имъ пришлось прокармливаться рыбной ловлей. Но графиня и здѣсь не оставила ихъ въ

покоѣ. Какъ разъ рыбы въ этихъ мѣстахъ оказалось много, и она нашла болѣе выгоднымъ для себя сдать берегъ въ аренду одному богатому торговому дому изъ Лондона (главный городъ Англіи). Крестьяне были выселены и отсюда.

Мы сказали, что лишаемые земли крестьяне сдѣлались впослѣдствіи наемными фабрично-заводскими рабочими. Это случилось, однако, не сразу. Обезземеленіе крестьянъ началось еще въ 15 вѣкѣ, а первыя фабрики появились лишь въ концѣ 18 вѣка. Куда же дѣвалась та масса людей, которыхъ лишали возможности заниматься ихъ привычнымъ дѣломъ?

Печальная и суровая судьба постигла этихъ несчастныхъ. Огромное большинство ихъ не находило никакой работы. Многіе изъ бывшихъ крестьянъ становились разбойниками на большихъ дорогахъ, еще большее число ихъ превратились въ нищихъ и бродягъ. И съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивалось. Правительство не нашло никакихъ иныхъ мѣръ бороться съ этимъ несчастьемъ, кромѣ мѣръ жестокости. Оно объявило всѣхъ не имѣющихъ работы людей преступниками и расправлялось съ ними такъ, какъ будто они по своей доброй волѣ нищенствовали и бродяжничали.

Въ 1530 году англійскій король Генрихъ VIII издалъ распоряженіе, въ силу котораго только престарѣлые нищіе, неспособные работать, получали позволеніе просить милостыню. Напротивъ того, для бродягъ, имѣвшихъ крѣпкія руки, предназначались плеть и кнутъ. Ихъ привязывали къ телѣжкамъ и бичевали до тѣхъ поръ, пока кровь не покрывала все тѣло. Послѣ этого они давали клятву, что они возвратятся на родину или туда, гдѣ пробыли послѣдніе три года, и примутся за работу. Впослѣдствіи наказаніе еще увеличили: при вторичной поимкѣ бродяги

его не только стегали плетьми, но и отрѣзывали половину уха. Пойманнаго въ третій разъ казнили.

Эти и подобные имъ законы, изданные другими королями Англіи, имѣли силу до начала 18 вѣка.

Знаменитый англійскій писатель Томасъ Моръ, жившій въ первой половинѣ 16 столѣтія, въ такихъ трогательныхъ словахъ описываетъ положеніе обезземеленныхъ крестьянъ, подпавшихъ подъ дѣйствіе этихъ законовъ: «Такимъ образомъ случается, что жадный и ненасытный обжора, истинный бичъ для своей родной страны, можетъ захватить тысячи акровъ земли и окружить ихъ частоколомъ или живой изгородью. Либо насиліемъ или обманомъ, либо жестокими притѣсненіями, либо наносимыми оскорбленіями и убытками, онъ такъ измучитъ хозяевъ земли, что они бываютъ вынуждены продать ее во что бы то ни стало. Стало быть, такъ или иначе, не мытьемъ, такъ катаньемъ, добровольно или силою онъ вынуждаетъ убраться всѣхъ этихъ несчастныхъ, простодушныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, мужей и женъ, сиротъ, вдовъ, матерей съ ихъ грудными дѣтьми и со всѣмъ ихъ скарбомъ, хотя малоцѣннымъ, но громоздкимъ, такъ какъ хозяйство требовало много рабочихъ рукъ. Имъ приходилось, говорю, покидать свои родные очаги и брести невѣдомо куда, не находя пристанища. Продажа всего ихъ имущества, хотя и малоцѣннаго, могла бы имъ при другихъ обстоятельствахъ дать что-нибудь, но такъ какъ они очутились безъ крова внезапно, то имъ приходилось продавать все за безцѣнокъ. А когда они добродились до того, что истрачивали послѣдній грошъ, то что же имъ оставалось дѣлать, какъ не воровать,—а тогда, о, Боже! ихъ вѣшали, при соблюденіи всѣхъ законныхъ формъ—или же нищенствовать? И даже тогда ихъ бросали въ тюрьмы, какъ бродягъ, потому что они шлялись, а не

работали: они, которымъ никто не хотѣлъ давать работу, какъ бы они сами того ни желали».

За время царствованія уже упомянутаго Генриха VIII было казнено около 7200 человѣкъ за воровство. Въ царствованіе королевы Елизаветы (во второй половинѣ 16 столѣтія) ежегодно вѣшали отъ 300 до 400 человѣкъ. А сколько людей погибло голодной смертью!

Таковы были прямыя послѣдствія «округленія» земельныхъ владѣній.

Пришло однако время, когда правительство принуждено было признать, что одними жестокими мѣрами дѣлу не поможешь. Тогда оно выступило на путь благотворительности. Въ 1601 г. королева Елизавета издала законъ о бѣдныхъ. Въ силу этого закона всякій приходъ долженъ былъ оказывать помощь всѣмъ, кто не имѣлъ работы. Благодаря такой помощи бѣдняки могли уже не умирать отъ голоду. Но по существу положеніе ихъ едва ли улучшилось, такъ какъ эта помощь обратилась впослѣдствіи противъ самихъ же бѣдныхъ. Наниматели рабочихъ платили имъ очень мало, ссылаясь на то, что имъ помогаетъ приходъ, а приходъ либо совсѣмъ ничего имъ не давалъ, либо давалъ очень мало, ссылаясь на то, что они имѣютъ заработокъ. Но какъ ни мало помогали приходы своимъ бѣднымъ, эта помощь все росла и росла по той простой причинѣ, что съ годами росло и число бѣдныхъ. Всѣ состоятельные члены прихода были обложены особымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ и этотъ налогъ все увеличивался. Такъ на каждаго жителя Англіи приходилось такого налогу въ среднемъ (въ годъ): въ 1760 г. около 1 р. 70 к. на русскія деньги, а въ 1818 г. уже около 6 р. 25 к. Въ 19 вѣкѣ состоятельнымъ классамъ надоѣло отягощать себя содержаніемъ бѣдныхъ и въ 1834 году вышелъ новый законъ о бѣдныхъ, который

освобождалъ богатыхъ отъ заботъ о бѣдныхъ, а этихъ послѣднихъ заставлялъ лучше умирать съ голоду, чѣмъ обращаться за помощью. Но объ этомъ законѣ мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Вотъ какъ появилась на свѣтѣ такая лишенная всякой недвижимой собственности, вѣчно голодная и вѣчно жаждущая работы бѣднота, которая и пошла на службу капиталистамъ, какъ только они стали строить свои фабрики.

V.

Возникновеніе и развитіе капитализма.

Разореніе массы сельскаго населенія создало свободныя рабочія руки. Эти руки должны были найти приложеніе въ крупной промышленности. Какъ же выросла и какъ укрѣпилась эта промышленность?

Прослѣдивъ развитіе крупной промышленности, мы увидимъ, что рабочій классъ образовался не только изъ крестьянъ, потерявшихъ землю, но также изъ мелкихъ ремесленниковъ, разоренныхъ капиталомъ.

По мѣрѣ того, какъ росъ и укрѣплялся капиталъ, по мѣрѣ того, какъ онъ все больше и больше захватывалъ различныя ремесла, самостоятельные ремесленники разорялись, теряли свою собственность: свой домъ, свои инструменты и превращались въ неимущихъ пролетаріевъ. Такимъ образомъ, исторія крупной промышленности есть въ то же время и исторія рабочаго пролетаріата.

Во 2-й главѣ мы указали на то, что къ концу 18 вѣка въ Англіи все болѣе и болѣе увеличивалось число крупныхъ мастерскихъ съ 50 и болѣе наемныхъ рабочихъ. Эти мастерскія принадлежали по большей части купцамъ, которые раньше занимались скупкой издѣлій,

приготовляемыхъ мелкими ремесленниками. Впослѣдствіи эти купцы стали дѣлать ремесленникамъ заказы изъ своего матеріала, а затѣмъ перешли къ устройству своихъ собственныхъ мастерскихъ, но только бо́льшаго размѣра, чѣмъ мастерскія ремесленниковъ. Какія же причины заставили купцовъ приняться за это послѣднее нововведеніе и заняться такимъ образомъ помимо торговли еще и промышленностью?

Причинъ было нѣсколько, но самая главная и существенная заключалась въ расширеніи иностранной торговли. Къ тому времени Англія имѣла уже много колоній въ различныхъ частяхъ свѣта, главнымъ образомъ, въ Сѣверной Америкѣ. Сюда она вывозила многія изъ своихъ издѣлій. Въ то же время она поддерживала оживленную торговлю съ другими европейскими государствами. Заграницей требовались все больше и больше англійскія издѣлія, но ремесленники, въ рукахъ которыхъ находилось производство этихъ издѣлій, работали слишкомъ медленно и не могли удовлетворять спросъ. Между тѣмъ работа въ крупныхъ мастерскихъ, которыя кое-гдѣ существовали, шла гораздо быстрѣе, одно и то же число рабочихъ производили гораздо больше издѣлій, чѣмъ если бы они работали каждый порознь. Само собою понятно, что купцы обратили вниманіе на такія мастерскія и стали заводить ихъ вездѣ, гдѣ только могли.

Но чѣмъ же объясняется преимущество крупной мастерской передъ мелкой? Когда купецъ дѣлалъ заказы ремесленникамъ, эти послѣдніе нерѣдко утаивали часть выданнаго имъ матеріала, напримѣръ, шерсти для пряжи или пряжи для тканья. Бывали случаи—и довольно частые—когда между ремесленниками (напр. ткачами) и купцомъ становились посредники. Они получали отъ купца матеріалъ и передавали его ремесленникамъ и обратно—

забирали готовыя издѣлія у ремесленниковъ и передавали ихъ купцу. При этомъ они мошенничали на обѣ стороны: обсчитывали ремесленниковъ и надували купца. Когда же этотъ послѣдній заводилъ свою мастерскую, онъ устанавливалъ строгій надзоръ надъ работой, матеріала пропадало меньше и издѣлія получались лучшаго качества. Кромѣ того, самый трудъ въ такихъ мастерскихъ сталъ гораздо производительнѣе, т. е. одинъ рабочій выдѣлывалъ гораздо больше издѣлій, чѣмъ ремесленникъ у себя.

Купцу оставалось только покупать сырой матеріалъ, наблюдать за работой и продавать готовыя вещи. Онъ избавился отъ возни со многими ремесленниками, жившими въ различныхъ мѣстахъ, иной разъ очень удаленныхъ отъ его жилища. Теперь все дѣлалось быстрѣе, безъ потери времени на перевозку. Матеріалъ быстро переходилъ изъ рукъ въ руки,—отъ чесальщика къ сортировщику, отъ сортировщика къ прядильщику и т. д.

Такимъ образомъ въ крупной мастерской устанавливалось раздѣленіе труда и съ теченіемъ времени оно становилось все больше и больше. Напримѣръ, приготовленіе булавокъ требовало въ то время 18 разрядовъ рабочихъ, т. е. для того, чтобы превратиться въ булавку, кусокъ проволоки долженъ былъ пройти черезъ руки 18 рабочихъ. Такое раздѣленіе труда сильно способствовало его производительности. Когда надъ булавками работаетъ одинъ рабочій, онъ еле-еле приготовляетъ ихъ десятка два въ день, не больше. Когда же надъ ихъ выдѣлкой трудится 18 человѣкъ, причемъ каждый выполняетъ только часть работы, то въ день получается до 100 тысячъ штукъ; на долю каждаго рабочаго выпадаетъ, слѣдовательно, около 6000 штукъ.

Эти выгоды крупныхъ или, какъ ихъ еще называли,

соединенныхъ мастерскихъ, заставили предпринимателей обратить на нихъ усиленное вниманіе. Приготовленныя въ нихъ издѣлія стоили дешевле, такъ какъ требовали гораздо меньше времени, чѣмъ издѣлія мелкаго ремесленника. Понятно, что чѣмъ больше появлялось этихъ соединенныхъ мастерскихъ, тѣмъ хуже и хуже приходилось мелкимъ ремесленникамъ. Но уже совсѣмъ плохо пришлось имъ, когда появились машины.

Первыя машины появились въ хлопчатобумажномъ производствѣ, въ той промышленности, которая изготовляла разныя бумажныя матеріи. Эти матеріи могли быть гораздо дешевле шерстяныхъ, но въ то время еще не знали наиболѣе легкаго и дешеваго способа превращенія хлопка въ пряжу. Пряденіе хлопка представляло тогда довольно трудное и хлопотливое дѣло. Трудности выдѣлки хлопчато-бумажной пряжи почувствовались еще сильнѣе, когда въ 1734 году былъ усовершенствованъ ткацкій станокъ: онъ сталъ вдвое больше ткать. Понадобилось и пряжи больше. И вотъ многіе прядильщики стали ломать голову надъ усовершенствованіемъ прядильнаго дѣла. Долго старанія ихъ не приводили ни къ чему, пока, наконецъ, въ 1765 году нѣкто Гайсъ не изобрѣлъ ткацкую машину, названную имъ по имени своей дочери «Дженни». Машина эта въ 1769 году была еще улучшена Гаргривсомъ. Раньше на прядильномъ станкѣ можно было прясть только при помощи одного веретена. Теперь «Дженни» приводила въ движеніе сразу 25 веретенъ. Такимъ образомъ, прядильщикъ, работавшій раньше только однимъ веретеномъ, сталъ работать теперь сразу 25-ю веретенами. Его трудъ, слѣдовательно, сталъ производительнѣе въ 25 разъ, т. е. онъ сталъ работать въ 25 разъ быстрѣе, приготовлялъ, напримѣръ, вмѣсто одного фунта пряжи цѣлыхъ 25 фунтовъ. Въ томъ же году Аркрайтъ изобрѣлъ

такъ называемую ватеръ-машину. Эта машина отличалась отъ «Дженни» тѣмъ, что приводилась въ движеніе не человѣкомъ, а силой лошади или воды. Кромѣ того, она приготовляла изъ хлопка также и «основу» для пряжи. Раньше основа дѣлалась изъ льна, слѣдовательно хлопчатобумажная промышленность находилась въ зависимости отъ льняной. Въ 1770 году изобрѣтена чесальная машина, въ 1775 году—машина для приготовленія тонкой и плотной ткани (мюль-машина).

Всѣ эти новыя изобрѣтенія, за исключеніемъ «Дженни» были недоступны для мелкаго ремесленника. И ватеръ-машина, и чесальная, и мюль-машина были слишкомъ дороги, чтобы ремесленникъ могъ обзавестись ими. Къ тому же онѣ требовали большого помѣщенія и примѣненія лошадиной или водяной силы. Только люди съ капиталами могли обзавестись ими. Съ этого-то времени и началась усиленная постройка крупныхъ мастерскихъ. Но вскорѣ же почувствовали, что лошадиной и водяной силы недостаточно, чтобы, какъ слѣдуетъ, пользоваться новыми машинами. Лошади стоили слишкомъ дорого, да и сила ихъ лишь немногимъ превышала силы человѣка. Приходилось устраивать заведенія тамъ, гдѣ были рѣки съ водопадами, порогами или просто быстрымъ теченіемъ. Но во первыхъ, это было не вездѣ, во вторыхъ, водяной силой нельзя распоряжаться по произволу, то увеличивая, то уменьшая ее, смотря по надобности. Всѣ эти неудобства устранились, какъ только стали примѣнять къ движенію машинъ паръ, что случилось въ 1790 году. Первая паровая машина для этой цѣли была устроена Уаттомъ (рис. 8).

Въ то время, какъ въ прядильномъ дѣлѣ уже дѣйствовали машины, и оно изъ рукъ прядильщиковъ-ремесленниковъ стало переходить въ руки капиталистовъ-фабри-

кантовъ, ткацкое дѣло все еще находилось во власти мелкихъ ткачей. Теперь ткачество отставало отъ пряденія, такъ какъ, благодаря машинамъ, пряжи приготовлялось больше, чѣмъ ткачи могли сработать. Опять началась усиленная работа мысли: стали думать надъ усовершенствованіемъ ткацкаго дѣла. Въ 1785 году сельскій священникъ Картрайтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ; въ 1803 г. онъ былъ такъ усовершенствованъ, что одинъ ребенокъ могъ легко управлять двумя такими станками и ткать при этомъ втрое быстрѣе, чѣмъ обыкновенный ручной ткачъ. Благодаря этому и другимъ изобрѣтеніямъ, ткацкое дѣло вновь стало нагонять прядильное; вскорѣ явилась возможность строить фабрики, на которыхъ пряденіе и ткачество производилось одновременно.

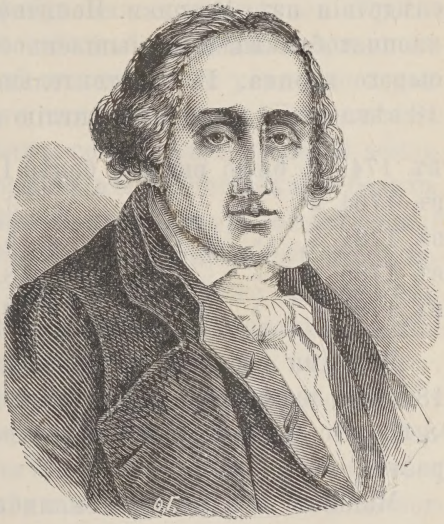


Рис. 8. Уаттъ, изобрѣтатель паровой машины.

Всѣ эти нововведенія совершили цѣлый переворотъ въ области промышленности. Съ появленіемъ паровыхъ машинъ выросли фабрики; такъ стали называться крупныя мастерскія съ большимъ числомъ рабочихъ и паровыми машинами. Мелкому ремеслу былъ нанесенъ смертельный ударъ; стала развиваться крупная капиталистическая промышленность, та самая, которая господствуетъ теперь во всѣхъ культурныхъ странахъ. Изъ деревень промышленность начала переселяться въ города. Въ городѣ было не-

сравненно удобнѣе построить фабрику: тамъ и народу больше, и пути сообщенія лучше, и сбытъ легче. Начиная съ этого времени англійскіе города сильно растутъ и превращаются въ громадные промышленные центры, таковы: Лондонъ, Ливерпуль, Манчестеръ и другіе.

Хлопокъ для пряжи Англія получала изъ Индіи, впослѣдствіи изъ Америки. Понятно, что вмѣстѣ съ ростомъ хлопчатобумажной промышленности долженъ расти и ввозъ сырого хлопка. И дѣйствительно, начиная съ половины 18 вѣка ввозъ хлопка въ Англію все увеличивается. Такъ,

въ 1741 г.	было	ввезено	болѣе	1.500.000	фунтовъ	хлопка.
въ 1764 »	»	»	»	3.870.000	»	»
въ 1781 »	»	»	»	5.200.000	»	»
въ 1785 »	»	»	»	18.400.000	»	»
въ 1792 »	»	»	»	32.900.000	»	»

Другими словами, за 50 лѣтъ, или за вторую половину 18 вѣка, ввозъ хлопка увеличился въ 22 раза. А это значитъ, что и промышленность увеличилась во столько же разъ.

Машины и паръ примѣнялись сначала только въ области хлопчатобумажной промышленности, но вскорѣ же они стали примѣняться и въ другихъ отрасляхъ производства: въ шелковой, суконной, льняной, металлической, желѣзной, каменно-угольной и проч. Быстрое развитіе желѣзодѣлательной и каменно-угольной промышленности особенно замѣчательно для роста крупно-капиталистической промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, машины дѣлаются обыкновенно изъ стали и желѣза, а топка фабричныхъ печей и машинъ производится каменнымъ углемъ. Въ 1740 г. въ Англіи было добыто 17 съ половиной тысячъ тоннъ желѣза(1.085.000 пудовъ), въ 1788 г.— 61 съ половиной тысяча (3.782.000 пудовъ), а въ 1796 уже 125 тысячъ

тоннъ (7.7500.00 пуд.). Слѣд., въ концѣ 18 столѣтія желѣза стали добывать въ 8 разъ больше, чѣмъ въ серединѣ его.

Такимъ образомъ въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка въ Англіи появилось крупное капиталистическое производство, или капитализмъ. Мелкіе ремесленники не могли выдержать борьбы съ фабриками и разорялись. Бросая свои инструменты и свое собственное хозяйство, они направлялись въ города, гдѣ въ это время усиленно строились фабрики, и находили тамъ занятіе [1]). Большинство ремесленниковъ и крестьянъ, согнанныхъ съ своей земли, превратились такимъ образомъ въ фабричныхъ рабочихъ. Они образовали новый, невѣдомый дотолѣ, общественный классъ — классъ пролетаріевъ. О житьѣ-бытьѣ этого новаго класса будетъ рѣчь впереди. Теперь же бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ развивалось капиталистическое хозяйство въ другихъ странахъ.

Другія страны Европы гораздо позднѣе взростили у себя крупное капиталистическое производство. Въ Германіи и Австріи, напримѣръ, оно стало укрѣпляться только во второй половинѣ, а во Франціи—въ первой четверти 19 столѣтія. И въ настоящее время нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, въ которой не господствовалъ бы крупный капиталъ.

Разрушеніе прежней ремесленной промышленности и ростъ крупнаго капиталистическаго производства вездѣ и всюду вызвали перемѣщеніе населенія изъ деревни въ городъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи, въ 1801 году

---

[1]) Въ началѣ 19 столѣтія изъ каждыхъ 100 человѣкъ населенія Англіи около 70 жили въ деревняхъ и около 30 въ городахъ. Въ настоящее время наоборотъ: въ деревнѣ живетъ едва-едва четвертая часть населенія страны; болѣе трехъ-четвертей составляютъ городское населеніе.

на каждые сто человѣкъ населенія городскихъ жителей было 22 человѣка, а теперь больше 40. Въ Германіи еще въ 1849 году городскихъ жителей было 28% (28 процентовъ, т. е. изъ 100 человѣкъ 28 горожанъ), а теперь—55%. И это переселеніе изъ деревни въ городъ продолжается всюду и по сей день.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ и всюду растетъ и пролетаріатъ, т. е. классъ людей, живущихъ продажей своей рабочей силы. Самую значительную часть пролетаріата составляютъ фабрично-заводскіе рабочіе.

Европейскія страны покрывались сѣтью желѣзныхъ дорогъ, по которымъ быстро и легко развозились товары и люди по всѣмъ направленіямъ. И эта сѣть съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе густой. Выростали крупные промышленные и торговые города съ электрическимъ освѣщеніемъ, телефонами, телеграфомъ. Строились громадные фабрики и заводы и наполнялись грохотомъ, лязгомъ и свистомъ машинъ. Торговля развивалась съ каждымъ годомъ все сильнѣе, и въ настоящее время соединила между собою крѣпкими нитями самыя отдаленныя мѣста земного шара. Появились невиданныя доселѣ роскошь и удобства жизни.

VI.

Власть людей надъ природой.

Посмотримъ на тотъ переворотъ, который произведенъ былъ въ условіяхъ жизни введеніемъ паровыхъ машинъ и другими изобрѣтеніями.

Еще въ началѣ 19 вѣка нигдѣ, ни въ одной мѣстности земного шара не было ни одной желѣзной дороги. Люди

ѣздили изъ города въ городъ на лошадяхъ. Но по самой лучшей дорогѣ на очень хорошихъ лошадяхъ можно было проѣхать около 15—18 верстъ, обыкновенно же двигались съ быстротой 10 верстъ въ часъ. Такъ было вездѣ,—въ Англіи, въ Германіи, во Франціи, словомъ во всѣхъ странахъ. По морю ѣздили на парусныхъ суднахъ, и ѣзда находилась, конечно, въ полной зависимости отъ силы вѣтра. Стихалъ вѣтеръ совсѣмъ, и судно безсильно оставалось на мѣстѣ.

Рис. 9. Фультонъ, изобрѣтатель парохода.

Но вотъ къ движенію стали примѣнять паръ, и прежде всего на водѣ. Въ 1807 году Робертъ Фультонъ (рис. 9.) впервые открылъ пароходное сообщеніе между Нью-Іоркомъ и Альбани по озеру Гудзонъ (въ Сѣверной Америкѣ). Въ 1820 году на всемъ свѣтѣ было всего только 20 пароходовъ, а въ 1840 г.—уже 116, въ 1860—820, а въ 1900 г.—12.289, въ настоящее время, конечно, еще больше.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно увеличивалась и скорость пароходнаго сообщенія. Такъ въ 1840 году, пароходъ проходилъ разстояніе отъ Ливерпуля (городъ въ Англіи на западномъ берегу Антлантическаго океана) до Нью-Іорка (городъ въ Сѣверной Америкѣ, на восточномъ берегу Атлантическаго океана) въ 15 дней; въ 1850 году—уже въ 13, въ 1860 г.—въ 11, въ 1870—въ 9, въ 1880—въ 8,

въ 1890—въ 7 дней. Въ настоящее время требуется 5 дней, чтобы переплыть Атлантическій океанъ.

Такимъ образомъ, благодаря пароходамъ необъятныя морскія пространства оказались подъ властью человѣка. Въ настоящее время требуется всего нѣсколько дней на то, чтобы преодолѣть пространство, которое до изобрѣтенія парохода переѣзжалось въ полтора-два мѣсяца.

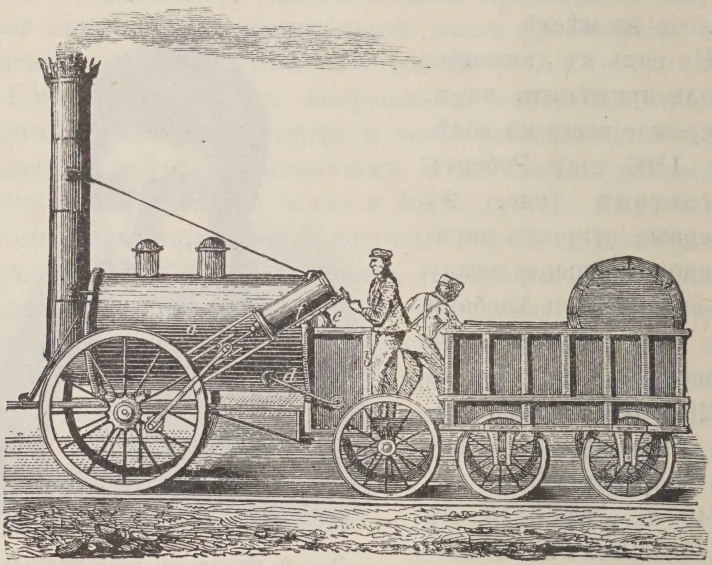


Рис. 10. Первый локомотивъ Стефенсона.

Примѣненіе пара къ передвиженію по сушѣ произошло нѣсколько позднѣе. Первая желѣзная дорога была устроена въ Англіи Георгомъ Стефенсономъ (рис. 10) въ 1825 году; отсюда она быстро распространилась по всему свѣту. Въ Россіи первая желѣзная дорога (Царскосельская, между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ) была открыта въ 1838 году. Въ настоящее время нѣтъ ни одной

страны въ мірѣ, въ которой не было бы желѣзныхъ дорогъ.

Благодаря желѣзнымъ дорогамъ быстрота сообщенія страшно увеличилась. Въ прежнее время, напримѣръ, разстояніе между Питеромъ и Москвой проѣзжали на лошадяхъ въ 7—8 дней. Теперь на это требуется всего только 14 часовъ.

Само собою понятно, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ быстроты сообщенія, уменьшились и издержки перевозки. Въ концѣ 18 столѣтія перевозка 6 пудовъ зерна черезъ Атлантическій океанъ (напримѣръ, изъ Америки въ Европу) на парусномъ суднѣ стоила около 5 рублей; въ настоящее время за перевозку тѣхъ же 6 пудовъ за то же разстояніе берутъ всего только около 30 копеекъ. И такъ со всѣми вообще товарами.

Не только уменьшилась стоимость перевозки на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ: явилась возможность перевозить такія массы товаровъ, о какихъ раньше и мечтать не приходилось. Теперь большіе океанскіе пароходы могутъ вмѣстить въ себѣ поклажу 30 товарныхъ поѣздовъ по 50 вагоновъ каждый. Это настоящіе гиганты! (Рис. 11).

Въ прежнее время на большія разстоянія могли ѣздить только богатые люди. Теперь даже бѣдный людъ въ поискахъ за работой отмахиваетъ «по чугункѣ» многія тысячи верстъ.

Такъ люди сдѣлались владыками земныхъ пространствъ.

Мы уже не говоримъ о телеграфѣ, дающемъ возможность оповѣщать всю Россію о томъ, что произошло, напр., въ Питерѣ черезъ часъ послѣ происшествія. На другой день объ этомъ можетъ знать весь міръ. Мыслимо ли было раньше о такой изумительно быстрой пере-

дачѣ извѣстій! Наряду съ телеграфомъ стоитъ телефонъ, этотъ изумительный аппаратъ, благодаря которому люди могутъ переговариваться между собою черезъ сотни верстъ такъ, какъ будто они стоятъ рядомъ. Первый электрическій телеграфъ былъ устроенъ въ 1844 году въ Сѣверной Америкѣ, а первый телефонъ—въ 1860 году въ Германіи.

Мы знаемъ уже, что къ работѣ паръ сталъ примѣняться еще раньше, чѣмъ къ передвиженію. Благодаря

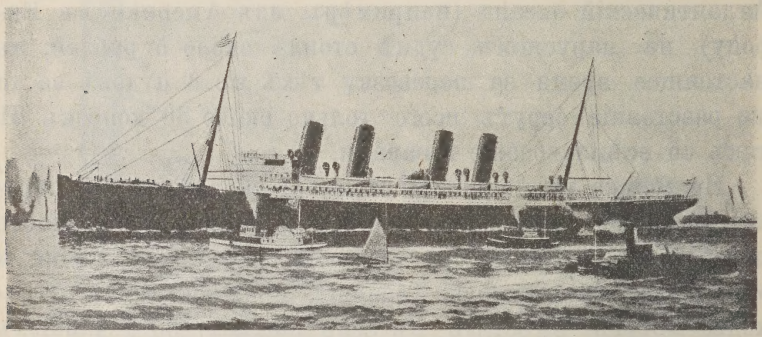


Рис. 11. Пароходъ Императоръ Вильгельмъ, одинъ изъ самыхъ большихъ океанскихъ пароходовъ.

паровымъ, а впослѣдствіи электрическимъ машинамъ и въ этой области люди достигли изумительныхъ успѣховъ. Всякій инструментъ, употребляемый человѣкомъ, увеличиваетъ его естественныя силы. Напримѣръ, человѣкъ не можетъ свалить дерево только силою своихъ рукъ, но при помощи топора онъ легко овладѣваетъ не только хилой березой, но и крѣпкимъ дубомъ. Паровыя же машины увеличиваютъ его силы до безконечности. При помощи машины въ настоящее время человѣкъ можетъ сработать столько же, сколько раньше дѣлали 10, 100,

даже 1,000 человѣкъ. Такъ, напримѣръ, въ производствѣ обуви силы человѣка увеличились по сравненію съ прежнимъ временемъ въ 5 разъ; въ производствѣ шляпъ—въ 6 разъ; тканей—30 разъ; пряжи—въ1100 разъ; печатныхъ произведеній—въ 1100 разъ. Ремесленникъ тратитъ на изготовленіе пары сапогъ 15—18 часовъ, т. е. цѣлый день, а на фабрикѣ та же пара изготовляется механическимъ способомъ въ 2—3 часа. Обработка шкуръ въ кожи требовала: при дубленіи старымъ способомъ въ ямахъ 1 — 1 1/2 года, при новѣйшемъ способѣ дубленія въ чанахъ 4—6 недѣль, при электрическомъ дубленіи 4 дня.

Чтобы превратить 5 тоннъ (310 пудовъ) сырого желѣза въ ковное желѣзо надо было затратить при помощи обжигальни 1 1/2 недѣли, посредствомъ пудлингованія— 1/2 дня; теперь же при помощи такъ называемаго бессемеровскаго способа на это тратится только 20 минутъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть какъ необъятно огромны тѣ силы, которыми располагаютъ теперь люди. При помощи этихъ силъ люди могутъ теперь приготовлять въ тысячу разъ больше вещей, чѣмъ то же количество людей раньше.

Соотвѣтственно такому увеличенію человѣческихъ силъ, или, какъ говорятъ, производительности человѣческаго труда, увеличилось и богатство. До введенія паровыхъ машинъ люди, владѣвшіе 30—50 тысячами рублей, считались очень богатыми. Въ настоящее время въ каждомъ большомъ городѣ есть нѣсколько милліонеровъ, а въ каждой странѣ по нѣскольку милліардеровъ (т. е. людей, владѣющихъ милліардами рублей; милліардъ равняется тысячѣ милліоновъ). Достаточно посмотрѣть на красивыя вымощенныя асфальтомъ улицы большого города, на огромныя каменныя громады домовъ и дворцовъ

(рис. 12), на роскошь общественныхъ построекъ, на зеркальныя стекла магазиновъ, на гигантскіе морскіе пароходы изъ желѣза, на желѣзнодорожныя постройки, чтобы убѣдиться, какъ велики богатства, созданныя трудомъ современныхъ людей. Жаль только, что этими богатствами пользуются, главнымъ образомъ, люди съ большими капиталами. Но и средній человѣкъ имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи гораздо больше всякаго рода предметовъ, чѣмъ раньше.

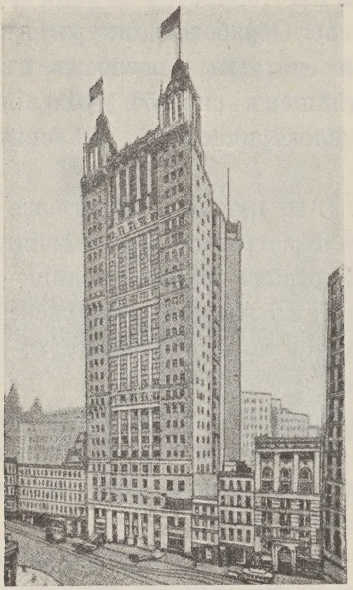


Рис. 12. 27-этажный домъ въ Чикаго.

Всѣ изобрѣтенія, которыя стали появляться съ половины 18 вѣка и не перестаютъ появляться и теперь, сдѣлали нашъ вѣкъ вѣкомъ камня, стекла и желѣза. Раньше люди употребляли для построекъ дерево и растительныя вещества. Теперь при постройкѣ домовъ и мостовъ мы употребляемъ камень и желѣзо; корабли тоже строятся большей частью изъ желѣза; изъ желѣза же дѣлаются необходимѣйшіе инструменты и машины; вмѣсто канатовъ и веревокъ изъ пеньки и конопли теперь употребляютъ канаты изъ крученой желѣзной проволоки. Дрова все болѣе и болѣе замѣняются каменнымъ углемъ.

Конечно, употребленіе желѣза въ самыхъ различныхъ его видахъ и каменнаго угля должно было страшно воз-

расти со времени введенія машинъ и развитія капиталистической промышленности.

Такъ, въ Германіи добыто было каменнаго угля:

въ 1853 г. — 9.000.000 тоннъ;

въ 1899 г.—около 102.000.000 »

Слѣдовательно, произошло увеличеніе болѣе чѣмъ въ 10 разъ; за это же самое время населеніе увеличилось только въ полтора раза. Ясное дѣло, что каменнаго угля стали добывать больше потому, что расширилась промышленность.

Въ той же Германіи на душу населенія приходилось среднимъ числомъ чугуна:

въ 1850 г.— 11 килограммовъ (около 27 фунт).

въ 1899 г.—155 килограммовъ (около 9½ пуд.)

т, е. въ 15 разъ больше.

Подобное же увеличеніе потребленія угля и желѣза происходило и во всѣхъ другихъ странахъ, не вездѣ, конечно, одинаково: больше въ тѣхъ странахъ, гдѣ сильнѣе развивалась капиталистическая промышленность.

Въ первой главѣ мы уже говорили, что въ настоящее время всѣ страны земного шара объединены между собою тѣсной хозяйственной связью. Англія, напримѣръ, вывозитъ свои издѣлія во всѣ другія государства и въ свою очередь отовсюду получаетъ иностранныя издѣлія и сырье. То же самое дѣлаютъ и Германія, и Франція, и другія страны. Между ними устанавливается оживленная торговля. И съ каждымъ годомъ она все больше и больше расширяется. Если сложить вмѣстѣ торговые обороты (ввозъ и вывозъ) всѣхъ странъ земного шара, то въ суммѣ получится оборотъ міровой торговли. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году міровая торговля доходила до 14 милліардовъ рублей, а въ 1902 году—до 47 милліардовъ, т. е. увеличилась болѣе чѣмъ въ три раза.

Вмѣстѣ съ ростомъ международной торговли растетъ и взаимная зависимость между разными странами. Западная Европа производитъ, главнымъ образомъ, разные фабричные продукты: орудія, машины, всевозможныя ткани, посуду, мебель и проч. Бо́льшую часть пищевыхъ продуктовъ (хлѣбъ, яйца, мясо, чай, сахаръ, кофе и проч.) она получаетъ изъ Россіи, Австраліи, Индіи, Египта, сѣверо-западной части Сѣверной Америки, а сырье (хлопокъ, шерсть и проч.) изъ Индіи, Южной Америки, южной части Сѣверной Америки и т. д. Слѣдовательно, если въ Индіи и Южной Америкѣ случается неурожай хлопка, это сейчасъ же отражается на хлопчато-бумажной промышленности Англіи, Германіи и другихъ европейскихъ странъ. Если въ Россіи недородъ пшеницы—а изъ Россіи она въ огромномъ количествѣ идетъ въ Германію и Англію,—то эти страны начинаютъ больше покупать въ Америкѣ, и американцы наживаютъ большія деньги. Вообще же всякая страна заинтересована въ томъ, чтобы возможно больше сбыть своихъ продуктовъ, предназначенныхъ для продажи. Въ особенности озабочены этимъ страны капиталистическія. Англійскіе промышленники, напримѣръ, не могутъ продать всѣхъ своихъ произведеній у себя на родинѣ, поэтому они ищутъ покупателей по всему свѣту. А такъ какъ объ этомъ же хлопочутъ и промышленники другихъ странъ, то между ними возникаетъ соперничество, конкуренція. Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ еще говорить въ слѣдующей главѣ.

Въ прежнія времена торговля съ другими странами требовала много времени; въ настоящее время благодаря телеграфу, телефону, банкамъ и биржѣ самыя огромныя торговыя сдѣлки могутъ совершаться въ два-три дня. 50 лѣтъ тому назадъ нуженъ былъ цѣлый мѣсяцъ на то, чтобы въ Европѣ получилось какое-нибудь извѣстіе

изъ Америки. Допустимъ, что какой-нибудь нѣмецкій купецъ получаетъ предложеніе отъ американскаго плантатора купить у него хлопокъ. Предложеніе это приходитъ въ Европу мѣсяцъ спустя послѣ отправки письма. Купецъ соглашается и пишетъ отвѣтъ. Проходитъ второй мѣсяцъ. Затѣмъ товаръ нагружается въ пароходы и отправляется въ Европу, на что уходитъ тоже не мало времени. Обычно можно было сдѣлать только три-четыре закупки въ годъ.

Въ настоящее время дѣло совершается гораздо быстрѣе. Утромъ гамбургскій или бременскій купецъ [1]), придя въ свою контору находитъ здѣсь телеграммы изъ Нью-Іорка (городъ въ Америкѣ) или Бомбея (городъ въ Индіи), съ предложеніемъ купить керосинъ, сало, хлопокъ и т. д., при чемъ цѣна точно обозначена. Купецъ соображаетъ, насколько это ему выгодно, затѣмъ подыскиваетъ себѣ покупателя и по телеграфу дѣлаетъ заказъ. Особенно проявляется эта быстрота въ дѣйствіяхъ крупнаго американскаго хлѣботорговца. Вечеромъ онъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ сдѣланныхъ имъ за день покупокъ и тотчасъ же телеграфируетъ во всѣ концы міра о своихъ предложеніяхъ, обѣщая доставить хлѣбъ въ самое короткое время. Уже ночью приходятъ отвѣты. Утромъ хлѣботорговецъ узнаетъ, что продано столько-то хлѣба. Остается только поскорѣе нагрузить зерномъ суда и отправить по назначенію. Одновременно съ нагрузкой хлѣба получается вексель на покупателя, который и принимается въ банкѣ съ выдачей соотвѣтственной суммы. На все это не уходитъ больше 2—3 дней. Нерѣдко еще до прибытія хлѣба на мѣсто онъ уже перепродается въ другія руки.

---

[1]) Гамбургъ и Бременъ—торговые города Германіи, ведущіе торговлю съ Америкой и другими заокеанскими странами.

Итакъ, мы видимъ, что люди пріобрѣтаютъ все бо́льшую и бо́льшую власть надъ природой. Они покорили пространства и въ самое короткое время переносятся черезъ тысячи верстъ; они покорили время,—благодаря телеграфу и телефону теперь можно тратить на переговоры минуты, въ то время какъ раньше на эти же переговоры тратились недѣли и мѣсяцы; благодаря различнымъ приспособленіямъ и машинамъ, работа идетъ быстрѣе (мы уже указывали на то, что теперь шкуру перерабатываютъ въ кожу въ теченіе 4 дней, между тѣмъ какъ въ «доброе старое время» на это шло $1^1/_2$ года). Люди легко и быстро взбираются теперь на высокія горы, куда они провели желѣзныя дороги (рис. 13), пробираются сквозь горы, которыя они пробуравили, устроивъ проходы (тунели). Они соединяютъ между собою моря и рѣки посредствомъ каналовъ, строятъ плотины не только на рѣкахъ, но и вдоль морскихъ береговъ, ограждая землю отъ потопленія (такъ дѣлаютъ, напримѣръ, въ Голландіи). При помощи особыхъ приборовъ они спускаются на дно океановъ, а на воздушныхъ шарахъ поднимаются высоко надъ землею, въ небо. И чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ человѣкъ силами природы, тѣмъ все бо́льшую власть надъ природой пріобрѣтаетъ онъ. А чѣмъ сильнѣе эта власть, тѣмъ лучше могутъ жить люди.

VII.

Среди капиталистовъ.

Велика власть людей надъ природой, но въ настоящее время далеко не всѣ пользуются плодами этой власти, а лишь тѣ, у кого много денегъ. Только тотъ и можетъ пріобрѣсти дорогую машину, пользоваться часто телегра-

фомъ и телефономъ, безъ затрудненій посѣщать чужіе го-

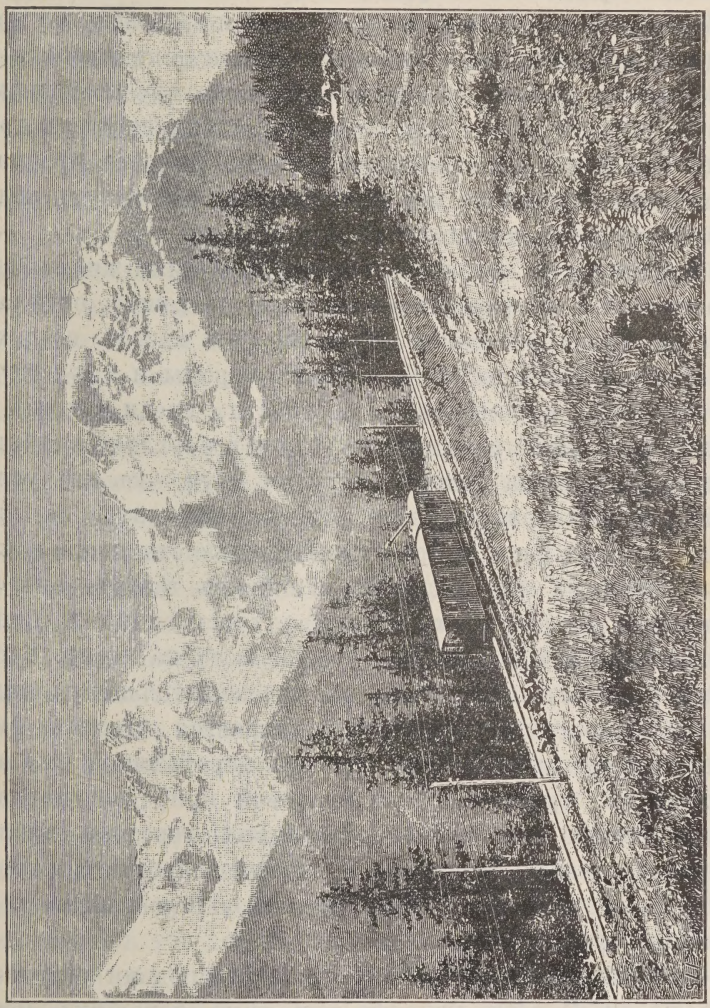


Рис. 13. Горная электрическая дорога.

рода и страны, у кого много денегъ. Человѣкъ безденежный или малоимущій не смѣетъ и думать о заведеніи сво-

его собственнаго предпріятія, — онъ бываетъ радъ, если сумѣетъ продать свой трудъ, получить хоть кой-какой заработокъ. Нечего и говорить, что ему и въ голову не приходитъ прокатиться за границу или попутешествовать по собственной странѣ, снабдить свою квартиру телефономъ и общаться съ своими родственниками, живущими въ другихъ городахъ, при помощи телеграфа. Всѣ эти прекрасныя вещи созданы не для него. Всецѣло ими могутъ пользоваться только капиталисты.

Капиталисты пользуются всѣми радостями жизни. Они строятъ себѣ въ городахъ огромные, роскошно отдѣланные дворцы, просторные, свѣтлые, съ массой воздуха. Многіе изъ нихъ имѣютъ такія же хоромы и гдѣ-нибудь въ деревнѣ, въ красивой мѣстности, среди луговъ и рощъ: тутъ они проводятъ въ тиши и прохладѣ знойные лѣтніе дни. Когда они находятся въ пути,—къ ихъ услугамъ вагоны перваго класса, быстрые курьерскіе поѣзда, самое внимательное и предупредительное отношеніе всѣхъ служащихъ на дорогахъ. Когда они въ театрѣ—они занимаютъ первыя мѣста, откуда лучше видно и лучше слышно, о чемъ говорятъ и что дѣлаютъ на сценѣ. Когда они посѣщаютъ начальство,—оно разсыпается передъ ними въ любезностяхъ и всячески старается угодить имъ. Безъ всякаго затрудненія и хлопотъ переѣзжаютъ они изъ страны въ страну, любуясь красивой природой, наслаждаясь жизнью большихъ иностранныхъ городовъ, наблюдая нравы чужихъ народовъ. Всякое удовольствіе доступно имъ. Многіе изъ нихъ всю жизнь свою превращаютъ въ сплошное удовольствіе.

Капиталисты являются полными господами современной жизни. И чѣмъ крупнѣе они, тѣмъ бо́льшимъ могуществомъ обладаютъ они, тѣмъ бо́льшая власть надъ людьми сосредоточивается въ ихъ рукахъ. Капиталисты

раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, смотря по тому, откуда они извлекаютъ свои доходы. Одни ведутъ обширныя *торговыя* дѣла, другіе занимаются *банковымъ* дѣломъ, третьи заводятъ фабрично-заводскія предпріятія; четвертые извлекаютъ свои доходы, главнымъ образомъ, изъ владѣнія землей.

Въ прежнія времена между землевладѣльцемъ и капиталистомъ существовала нѣкоторая разница. Первый стоялъ далеко отъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, даже считалъ ниже своего достоинства заниматься ими; второй, напротивъ, все свое благополучіе созидалъ на промышленности и торговлѣ. Въ настоящее время эта разница между ними все болѣе и болѣе исчезаетъ: землевладѣльцы становятся въ ряды капиталистовъ. Земля составляетъ теперь особый видъ капитала, и лицо, владѣющее этимъ капиталомъ, хлопочетъ о томъ, чтобы извлечь изъ него побольше процентовъ. Какъ же пользуется землевладѣлецъ своимъ капиталомъ?

О мелкихъ землевладѣльцахъ, вродѣ огромнѣйшаго большинства нашихъ крестьянъ, мы при этомъ не говоримъ. Само собою понятно, что ихъ нельзя отнести къ капиталистамъ. Какіе же они капиталисты, когда еле-еле сводятъ концы съ концами? Зато крупные землевладѣльцы умѣютъ извлекать изъ своихъ владѣній довольно изрядные доходы.

Въ землѣ нуждаются всѣ: одни для того, чтобы воздѣлывать ее; другіе, чтобы строить на ней фабрики, заводы, жилища и т. д. Но она имѣется далеко не у всѣхъ. Поэтому-то всѣ тѣ, кто нуждается въ землѣ, прибѣгаютъ къ ея владѣльцамъ; но эти послѣдніе уступаютъ ее въ пользованіе лишь за извѣстное вознагражденіе. И чѣмъ больше нужда въ землѣ, тѣмъ больше получаетъ землевладѣлецъ.

Почти во всѣхъ странахъ Европы земля находится во

владѣніи незначительнаго числа лицъ. Такъ, въ Англіи, населенной 43 милліонами людей, двѣ трети всѣхъ земель находится во владѣніи 10 тысячъ лицъ. Изъ этихъ 10 тысячъ выдѣляется 150 человѣкъ, которымъ принадлежитъ половина Англіи, 75 человѣкъ, владѣющихъ половиной Шотландіи и 35 человѣкъ—владѣльцевъ половины Ирландіи. Но и среди этихъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ находится нѣсколько человѣкъ, передъ богатствомъ которыхъ меркнетъ богатство всѣхъ остальныхъ. Такъ, герцогу Девонширскому принадлежитъ 78.000 гектаровъ (72.000 десятинъ). Герцогъ Сутерландскій (вѣроятно потомокъ графини Сутерландъ, о которой мы уже говорили) владѣетъ въ Шотландіи 530.000 гектаровъ (490.000 десятинъ). Пять такихъ господъ распоряжаются четвертой частью Шотландіи.

На земляхъ этихъ земельныхъ магнатовъ живутъ сотни тысячъ жителей, стоятъ цѣлые города. Можно представить себѣ, какіе огромные доходы имѣютъ они! Въ Лондонѣ герцогамъ Норфолькскому, Бедфордскому и Портландскому принадлежатъ по нѣскольку городскихъ кварталовъ, съ нѣсколькими тысячами домовъ. Цѣлыя рѣки золота вливаются въ карманы этихъ собственниковъ. Но они никогда не удовлетворяются тѣми милліонами, которые попадаютъ въ ихъ руки, и постоянно набавляютъ плату за квартиры и торговыя помѣщенія.

Въ другихъ странахъ бо̀льшая часть земельныхъ богатствъ тоже прибрана въ немногія руки. Такъ, въ южной Италіи нѣкоему князю де-Жеросъ принадлежитъ около 14.000 гектаровъ (около 13.000 десятинъ) земли, на которой живетъ болѣе полмилліона людей. Понятно, что каждый житель такъ или иначе оплачиваетъ пользованіе княжеской землей.

Въ Австріи, Германіи, Франціи находится не мало крупныхъ земельныхъ собственниковъ, созидающихъ свои

капиталы трудомъ людей, обрабатывающихъ или пользующихся ихъ землей.

Однако, не капиталисты-землевладѣльцы играютъ первую роль въ современной промышленной жизни. Роль эта принадлежитъ банкирамъ, торговцамъ и владѣльцамъ фабрично-заводскихъ предпріятій.

Фабриканты изготовляютъ различные товары, торговцы скупаютъ ихъ и перепродаютъ потребителямъ. И тѣ и

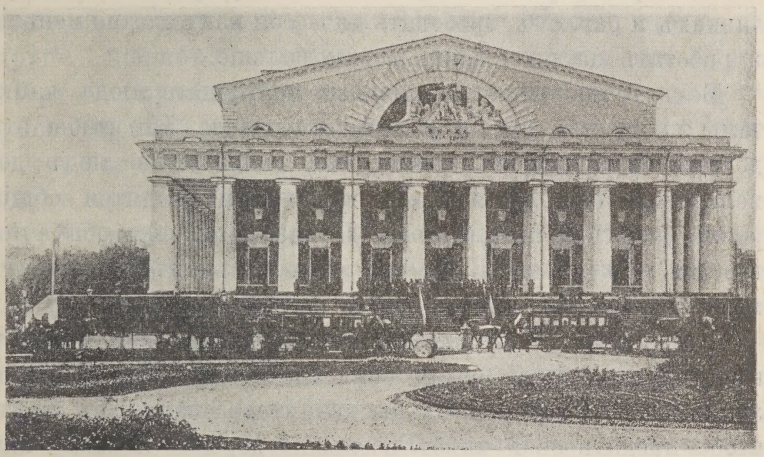


Рис. 14. Биржа въ Петербургѣ.

другіе бо̀льшую часть своихъ денежныхъ капиталовъ хранятъ въ банкахъ, за что получаютъ отъ банкировъ извѣстный процентъ вознагражденія. Банкиры пользуются этими вкладами для выдачи взаймы, за что тоже берутъ проценты. Банки служатъ постояннымъ источникомъ, откуда капиталисты берутъ нужныя имъ для ихъ предпріятій деньги; въ то же время банки являются тѣмъ вмѣстилищемъ, куда со всѣхъ сторонъ стекаются деньги. Между банками, торговлей и промышленностью существуетъ тѣс-

нѣйшая связь. (рис. 16). Процвѣтаніе торговли и промышленности влечетъ за собой и процвѣтаніе банковъ; если же въ промышленности и торговлѣ происходятъ неурядицы, это сейчасъ же отражается на банкахъ. Впрочемъ, объ этой связи будетъ рѣчь дальше. Во всякомъ случаѣ, банкиры, торговцы и промышленники составляютъ одну тѣсную компанію, дружно отстаивающую *общій интересъ*. А этотъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобы заставить неимущую часть народа, работающую на ихъ фабрикахъ, въ ихъ лавкахъ и банкахъ, требовать для себя какъ можно меньше и работать на нихъ какъ можно больше.

Безъ труда этихъ милліоновъ неимущаго люда капиталы не давали бы ни малѣйшаго дохода. Но чтобы эти доходы были больше, необходимо, чтобы этотъ людъ довольствовался малымъ. Къ этому-то и сводятся общія усилія всѣхъ капиталистовъ. Но на этомъ ихъ общіе интересы и кончаются. Во всемъ остальномъ они ведутъ между собою отчаянную борьбу изъ-за прибыли.

Прежде всего, во всѣхъ государствахъ существуетъ нѣкоторая вражда между землевладѣльцами и промышленниками. Землевладѣльцы заинтересованы въ томъ, чтобы продать свой хлѣбъ возможно дороже. Поэтому они требуютъ отъ правительства, чтобы оно либо совсѣмъ запретило, либо обложило высокой пошлиной ввозимый изъза границы хлѣбъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ меньше на рынкѣ хлѣба, тѣмъ дороже онъ продается. Но выгода землевладѣльца составляетъ невыгоду промышленника. Хлѣбъ является главной пищей рабочихъ, и чѣмъ дороже эта пища, тѣмъ бо́льшую плату за свой трудъ требуютъ рабочіе. Понятно, что фабриканты требуютъ отъ правительства противоположныхъ мѣръ, т. е. свободнаго допущенія въ страну хлѣба изъ-за границы. Подобная война велась недавно между нѣмецкими промышленни-

ками и нѣмецкими крупными землевладѣльцами (которые называются въ Пруссіи юнкерами, а во всѣхъ другихъ странахъ аграріями).

Но промышленники ведутъ борьбу и между собою. Борьба эта называется конкуренціей. Каждый промышленникъ и каждый торговецъ старается о томъ, чтобы сбыть возможно больше своихъ товаровъ. Фабрикантъ стеклянныхъ издѣлій, напримѣръ, желаетъ, чтобы покупали только его издѣлія. Но онъ не одинъ; другіе фабриканты мечтаютъ о томъ же. Всѣ они видятъ другъ въ другѣ соперника, каждый старается перехватить другъ у друга покупателей, такъ какъ чѣмъ меньше покупаютъ у одного, тѣмъ больше продаетъ другой. Но какъ привлечь покупателя на свою сторону? Существуетъ только одинъ путь: дѣлать товары удобнѣе, практичнѣе, красивѣе, а главное, дешевле. И каждый фабрикантъ стремится къ удешевленію своихъ издѣлій. Но для этого ему необходимо зорко слѣдить за новыми изобрѣтеніями въ области его производства и примѣнять ихъ у себя на фабрикѣ. Возьмемъ нашего фабриканта стеклянныхъ издѣлій. Допустимъ, что онъ приготовляетъ въ день 10.000 бутылокъ. Но вотъ появилась новая машина, при помощи которой можно изготовлять уже 15.000 бутылокъ въ день, при тѣхъ же самыхъ затратахъ. Онъ вводитъ эту машину и можетъ продать теперь 15.000 бутылокъ за ту же цѣну, за которую раньше продавалъ 10.000 бутылокъ; слѣдовательно, каждая бутылка въ отдѣльности идетъ уже дешевле, скажемъ вмѣсто трехъ—двѣ копейки. Въ этомъ случаѣ онъ не получилъ бы больше прежняго. Но онъ поступаетъ иначе: вмѣсто двухъ онъ беретъ двѣ съ половиною копейки за бутылку. Если другіе фабриканты работаютъ еще старыми машинами, нашъ фабрикантъ выручаетъ на каждой бутылкѣ

по полкопейкѣ прибыли сверхъ той, которая получается другими, т. е. за всѣ 15.000 бутылокъ 75 рублей. Въ то же время его бутылки покупаются гораздо охотнѣе, и онъ расширяетъ свое производство, начинаетъ изготовлять, напримѣръ, 30.000 бутылокъ въ день. Но другіе фабриканты тоже не дремлютъ и тоже вводятъ ту же машину. Прибыль опять уравнивается. Но дѣло на этомъ не останавливается, и каждый фабрикантъ придумываетъ все новые и новые способы привлечь покупателя.

Вся совокупность покупателей называется рынкомъ (это слово имѣетъ, какъ извѣстно, еще и другое значеніе: имъ обозначаютъ мѣсто, гдѣ происходитъ продажа товаровъ). Промышленники и торговцы выбиваются изъ силъ, чтобы найти рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Когда они видятъ, что на родинѣ этотъ рынокъ слишкомъ малъ, они отправляютъ товаръ въ сосѣднія страны. Когда и тамошній рынокъ оказывается переполненнымъ, они направляются еще дальше и рыщутъ по всему свѣту въ поискахъ за покупателемъ.

Капиталистическое производство развилось, главнымъ образомъ, въ Европѣ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Многочисленные народы Азіи и Африки еще не ввели у себя крупной фабрично-заводской промышленности. На эти-то народы и устремлены теперь жадные взоры европейскихъ и американскихъ капиталистовъ. Каждая страна старается обезпечить себѣ какой-нибудь изъ азіатскихъ и африканскихъ рынковъ. Дѣлается это либо путемъ заключенія торговаго договора, либо прямого захвата обширныхъ земель въ Африкѣ и Азіи. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи Англіи,—путемъ захвата она пріобрѣла богатѣйшія колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта, путемъ договоровъ обезпечила себѣ рынки во многихъ мѣстахъ Азіи и Африки. По

пути Англіи идутъ и другія капиталистическія государства. Въ погонѣ за колоніями и новыми рынками между государствами то и дѣло происходятъ ссоры, которыя приводятъ иногда къ войнамъ.

Итакъ, погоня за новыми рынками сбыта вытекаетъ изъ конкуренціи; но конкуренція приводитъ и къ другимъ явленіямъ, столь же неразрывно связаннымъ съ капиталистическимъ порядкомъ. Производство товаровъ процвѣтаетъ, пока существуетъ на нихъ спросъ. Но бываютъ времена, когда оказывается, что товаровъ произведено гораздо больше, чѣмъ можно ихъ продать: тогда возникаетъ такъ называемый промышленный кризисъ.

Но развѣ мыслимо, чтобы товаровъ производилось такъ много, чтобы ихъ нельзя было и продать? Конечно, вполнѣ мыслимо. Дѣло въ томъ, что товары предназначены только для тѣхъ, у кого есть деньги, кто можетъ ихъ купить. Если покупателей не находится, товаръ остается непроданнымъ, лежитъ безъ употребленія. Правда, всегда находится много людей, которые съ удовольствіемъ пріобрѣли бы эти товары, но разъ у нихъ нѣтъ денегъ, нужныхъ на покупку, они ничего не получаютъ, хотя бы товаръ гнилъ на ихъ глазахъ.

Обыкновенно, капиталисты застигаются кризисомъ врасплохъ. Промышленность работаетъ во всю, торговля идетъ превосходно, какъ вдругъ проносится слухъ, что такіе-то товары не идутъ. Оказывается, что ихъ изготовлено такъ много, что рынокъ переполняется и покупателей становится все меньше и меньше. Какъ тутъ быть? Прежде всего сбавляются цѣны, но это не помогаетъ. Тогда среди капиталистовъ начинаются банкротства, крушенія.

Торговцы не могутъ заплатить фабрикантамъ, фабриканты закрываютъ свои фабрики или же значительно

сокращаютъ производство, разсчитывая цѣлыя тысячи рабочихъ. Вкладчики спѣшатъ вынуть свои деньги изъ банковъ, но банковыя кассы нерѣдко оказываются пустыми, такъ какъ деньги были отданы еще раньше взаймы торговцамъ и промышленникамъ, потерпѣвшимъ теперь крушеніе. Вслѣдствіе этого разоряются цѣлыя сотни людей. Люди, которые еще вчера владѣли сотнями тысячъ, сегодня оказываются нищими; у которыхъ вчера были милліоны, имѣютъ сегодня въ рукахъ какія-нибудь тысячи. Мы не говоримъ уже о томъ, что сотни тысячъ рабочихъ оказываются безъ работы, осужденные на голодную жизнь. Среди нихъ развиваются всяческія болѣзни, которыя въ союзѣ съ голодомъ уносятъ массы людей въ могилу.

Таковы тѣ страшныя потрясенія, которыя встряхиваютъ время отъ времени сверху до низу весь капиталистическій строй. Кризисы начинаются обыкновенно въ одной отрасли производства, но затѣмъ охватываютъ всю промышленность. Допустимъ, что произведено слишкомъ много бумажныхъ матерій. Хлопчато-бумажное производство сокращается, много фабрикъ закрывается, многіе фабриканты теряютъ свои капиталы, разоряются. Масса рабочихъ получаетъ разсчетъ. Но въ такомъ случаѣ оказываются излишними и многія изъ тѣхъ предпріятій, которыя производили машины для хлопчато-бумажной промышленности, одежду и пищу для ея рабочихъ. Кризисъ охватываетъ и эту отрасль. Отсюда онъ перебрасывается, какъ огонь во время пожара, все дальше и дальше, пока не охватитъ всю промышленную жизнь многихъ странъ. Затѣмъ наступаетъ затишье, промышленность понемногу начинаетъ оправляться, постепенно обнаруживается подъемъ, наступаетъ вновь разцвѣтъ, въ погонѣ за прибылью капиталисты все больше и больше расширяютъ свое про-

изводство, а торговцы заполняютъ рынокъ товарами. И вдругъ вновь разражается кризисъ. Кризисы неразрывно связаны съ капитализмомъ.

Первый общій, міровой кризисъ произошелъ въ 1825—26 году; второй въ 1836—37, третій въ 1847, затѣмъ въ 1857 г. Послѣ нѣкотораго промежутка въ 1873 г. вновь вспыхнулъ страшный кризисъ, который, переходя изъ страны въ страну, длился до 1878 года. Послѣ этого наступили годы застоя, послѣ чего промышленность опять пошла въ гору, но въ 1899 г. разразилась общимъ кризисомъ, который сильно затронулъ, между прочимъ, и Россію. Кризисъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время опять наблюдаются нѣкоторые признаки оживленія.

Помимо общихъ кризисовъ бываютъ еще и кризисы частные, вызываемые какими-либо случайными причинами: войною, неурожаемъ и т. п.

До тѣхъ поръ пока существуетъ капиталистическое хозяйство, приходится считать кризисы, хотя и страшнымъ, но неизбѣжнымъ зломъ. Борьба съ ними возможна только въ томъ случаѣ, если она направлена противъ всего капиталистическаго строя. Каждый капиталистъ заботится только о себѣ, о своихъ барышахъ; онъ не знаетъ, да и не можетъ знать въ точности, сколько требуется его издѣлій на рынкѣ. Онъ дѣйствуетъ на ощупь и какъ только почувствуетъ, что можно продать больше, сейчасъ же начинаетъ расширять свое производство. Но то же самое дѣлаютъ и его соперники. Въ результатѣ и получается то страшное переполненіе рынка, которое вызываетъ промышленный кризисъ.

Въ началѣ капиталистическаго развитія всѣ торговцы и промышленники горой стояли за конкуренцію. Они твердо были увѣрены, что промышленной дѣятельности

людей нельзя ставить никакихъ препятствій, что всякому необходимо предоставить полную свободу дѣйствій и что только эта полная свобода приведетъ къ общему благу. Однако эта увѣренность все больше и больше расшатывается. Нельзя было не видѣть, что ничѣмъ не стѣсняемая конкуренція гибельно вліяетъ на всю хозяйственную жизнь. Среди капиталистовъ стали все чаще и чаще возникать попытки къ объединенію. Нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ, напр., владѣльцы желѣзныхъ заводовъ, входили въ соглашеніе между собою относительно того, сколько производить и какъ продавать свой товаръ. Нарушитель договора подвергался значительному штрафу. Такимъ путемъ фабриканты надѣялись избавить другъ друга отъ взаимной конкуренціи. Но это не всегда помогало: при первой же возможности получить бо́льшую выгоду члены союза явно или тайно нарушали договоръ.

Тогда въ Америкѣ возникла другая форма союзовъ капиталистовъ, получившая названіе трёстовъ. Эти союзы стали быстро распространяться, и въ настоящее время уже бо́льшая часть американской промышленности и торговли находится въ ихъ рукахъ.

Трёсты играютъ въ современной жизни такую громадную роль, что мы должны поближе познакомиться съ ними.

Когда возникали союзы, о которыхъ мы говорили раньше, каждый предприниматель сохранялъ за собой право самостоятельно руководить своимъ заводомъ, своей фабрикой, вообще своимъ предпріятіемъ. Они заключали между собою только договоръ,но не объединяли своихъ предпріятій въ одно. Когда же возникаетъ трёстъ, то онъ непремѣнно превращаетъ множество самостоятельныхъ предпріятій въ одно и ставитъ во главѣ его одно центральное управленіе. Возникаетъ трёстъ обычно подъ влія-

ніемъ группы финансистовъ. Когда финансисты желаютъ образовать трёстъ, они приглашаютъ къ себѣ наиболѣе крупныхъ промышленниковъ и предлагаютъ имъ либо продать свои предпріятія, либо передать ихъ на выгодныхъ условіяхъ. Фабрикантъ, присоединяясь къ трёсту, передаетъ ему въ полное и неограниченное распоряженіе все свое дѣло. Трёстъ ведетъ всѣ предпріятія на новыхъ началахъ. Такъ, американскій трёстъ по производству виски (особый сортъ водки) изъ 80 заводовъ, попавшихъ въ его цѣпкія руки, совершенно закрылъ 48 и пользовался только остальными. Но зато они были расширены и снабжены новыми машинами и новыми приспособленіями. Благодаря этому 32 завода производили водки столько же, сколько раньше всѣ 80 заводовъ. Три четверти водки, производящейся въ Соединенныхъ Штатахъ, вырабатывается на этихъ заводахъ. Такъ же поступилъ и сахарный трёстъ: онъ оставилъ только четвертую часть вошедшихъ въ его составъ заводовъ, но, несмотря на это, нисколько не уменьшилъ производства сахара. Вообще такимъ образомъ поступаютъ всѣ трёсты: на мѣсто многихъ не особенно крупныхъ заводовъ и фабрикъ они ставятъ нѣсколько крупныхъ, но зато несравненно лучше обставленныхъ, снабженныхъ лучшими машинами и другими приспособленіями. Трудъ на такихъ заводахъ становится гораздо болѣе производительнымъ и производство не только не уменьшается, но даже растетъ.

Какъ уже сказано, всѣми дѣлами трёста завѣдываетъ одно центральное управленіе, которое замѣняетъ собою всѣ отдѣльныя управленія каждой фабрики. Оно устанавливаетъ цѣны, заключаетъ договоры о поставкѣ сырья, топлива, съѣстныхъ припасовъ, руководитъ заказами и направляетъ ихъ на ту фабрику, гдѣ они могутъ быть выполнены наилучшимъ образомъ.

Нерѣдко трѣстъ объединяетъ не только однородныя предпріятія, напримѣръ, сахарные заводы, но и тѣ, которыя такъ или иначе связаны съ ними, напримѣръ, воздѣлываніе свекловицы. Стальной трѣстъ имѣетъ не только заводы, изготовляющіе сталь, но также и желѣзные рудники, откуда добывается желѣзо для этихъ заводовъ, и каменно-угольныя копи, откуда берется уголь для доменныхъ печей. Кромѣ того, онъ содержитъ на Верхнемъ озерѣ (въ Сѣверной Америкѣ) цѣлую флотилію судовъ и имѣетъ свои желѣзныя дороги для перевозки топлива и минерала.

Итакъ, мы видимъ, что трѣсты представляютъ еще болѣе могучія предпріятія, чѣмъ отдѣльныя, хотя бы и самыя большія фабрики. Какъ бы ни былъ богатъ отдѣльный фабрикантъ, онъ одинъ не можетъ имѣть такъ много денегъ, какъ нѣсколько столь же богатыхъ капиталистовъ вмѣстѣ. Поэтому и предпріятіе ставится ими, что называется, на широкую ногу. Въ немъ употребляются самыя новѣйшія машины, оно снабжается всякими приспособленіями, ускоряющими работу; его руководители не жалѣютъ ничего, чтобы поставить его выше всѣхъ предпріятій того же рода, но находящихся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Понятно, что и доходы съ такого предпріятія тоже становятся все больше и больше. Но трѣсты и возникаютъ, именно, ради повышенія доходовъ.

Однако, чтобы упрочить дѣло, нужно предварительно уничтожить конкурентовъ. Не всѣ предприниматели какой-либо отрасли вступаютъ въ трѣстъ, всегда остается довольно большое число такихъ, которые не пожелали лишиться своей самостоятельности. Въ такомъ случаѣ между ними и трѣстомъ возникаетъ борьба. Но само собою разумѣется, каждый изъ нихъ въ отдѣльности не имѣетъ силы конкурировать съ трѣстомъ. Тогда они образуютъ

свой трёстъ, и между обоими трёстами возгарается борьба. Когда соперничающіе трёсты убѣждаются въ томъ, что не могутъ уничтожить другъ друга, между ними происходитъ соглашеніе, и они сливаются въ одинъ трёстъ, болѣе обширный, чѣмъ каждый въ отдѣльности.

Съ своими соперниками трёстъ не церемонится. Чтобы заставить ихъ окончательно бросить свои дѣла и уступить свое мѣсто ему, онъ пускаетъ свои товары по самой низкой цѣнѣ. Онъ самъ терпитъ убытки, но зато совсѣмъ уничтожаетъ противниковъ. Когда же побѣда остается за нимъ и соперниковъ уже нѣтъ, тогда трёстъ повышаетъ цѣны и начинаетъ притѣснять покупателей. Эти послѣдніе попадаютъ въ полную отъ него зависимость: трёстъ можетъ брать за свои товары какія угодно цѣны, и покупателю приходится либо платить, либо совсѣмъ отказаться отъ покупки. Но послѣднее не всегда возможно, особенно когда трёсты овладѣваютъ производствомъ предметовъ необходимыхъ для всѣхъ.

Мы видимъ, что трёсты, какъ и всѣ другія капиталистическія предпріятія, имѣютъ двѣ стороны: одну, несомнѣнно, полезную для всѣхъ, другую—полезную только для немногихъ. Первая сторона—это необычайное повышеніе производительности человѣческаго труда, что даетъ возможность людямъ производить огромное количество необходимыхъ для жизни вещей въ самое непродолжительное время и съ очень небольшой затратой труда. Но этой возможностью пользуются не всѣ, а лишь владѣльцы трёстовъ; въ этомъ и состоитъ другая ихъ сторона.

На примѣрѣ стального трёста мы уже видѣли, какой величины они достигаютъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Нефтяной трёстъ (главное его предпріятіе состоитъ въ выдѣлкѣ керосина изъ нефти) владѣетъ керосино-очисти-

тельными заводами во всѣхъ главныхъ городахъ Сѣверной Америки и нефтяными источниками во многихъ мѣстностяхъ страны. Больше двухъ третей керосина (65 %), вообще выдѣлываемаго въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, принадлежитъ ему. Ему принадлежитъ цѣлый флотъ особаго устройства пароходовъ для перевозки керосина во всѣ части свѣта. Кромѣ керосиновыхъ заводовъ онъ имѣетъ мастерскія для приготовленія боченковъ, жбановъ, лампъ и керосиновыхъ печей, а также заводы для обработки всевозможныхъ нефтяныхъ остатковъ. Помимо всего этого, нефтяной трѣстъ участвуетъ также и во многихъ другихъ предпріятіяхъ, ведущихся на общій счетъ большого числа мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ. Онъ состоитъ участникомъ во всѣхъ желѣзнодорожныхъ и многихъ телеграфныхъ предпріятіяхъ. Чистая прибыль трѣста достигаетъ крупной суммы въ 500 милліоновъ рублей.

Табачный трѣстъ получаетъ 330 мил. прибыли, въ то время, какъ всѣ отрасли табачной промышленности вмѣстѣ получаютъ около 500 мил.; такимъ образомъ, одинъ трѣстъ почти въ два раза больше имѣетъ, чѣмъ всѣ остальныя табачныя предпріятія.

Все состояніе американскихъ трѣстовъ оцѣнивается въ настоящее время въ 60 милліардовъ рублей. Это такая колоссальная сумма, что ее трудно себѣ даже представить! Положимъ, что всѣ эти 60 милліардовъ (60.000.000.000) лежатъ въ банкѣ и приносятъ 5% доходу; получаемъ сумму въ 3 милліарда рублей. На эту сумму могутъ жить три милліона людей, получая каждый по тысячѣ рублей въ годъ. Въ дѣйствительности этими милліардами пользуются лишь нѣсколько тысячъ богатѣйшихъ людей. Самымъ богатымъ человѣкомъ въ Америкѣ считается Рокфеллеръ, съ состояніемъ въ 2 милліарда рублей.

VIII.

Среди рабочихъ.

Одинъ англійскій писатель, въ концѣ 17 вѣка, писалъ: «Если бы у кого-нибудь было сто тысячъ десятинъ земли, столько же тысячъ рублей въ карманѣ, столько же головъ скота, что̀ бы дѣлалъ этотъ богачъ безъ работниковъ? Онъ бы самъ сталъ работникомъ. И такъ какъ рабочіе обогащаютъ людей, то чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше и богачей. Трудъ бѣдныхъ—это рудникъ богатыхъ».

Если бы этотъ писатель жилъ въ первой половинѣ 19 вѣка, онъ еще больше убѣдился бы въ томъ, что трудъ бѣдныхъ—рудникъ богатыхъ. Мало того, къ своему изреченію онъ прибавилъ бы слова: «чѣмъ сильнѣе бѣдность бѣдныхъ, тѣмъ больше богатство богатыхъ». И на самомъ дѣлѣ, богатство англійскихъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ росло въ это время съ поразительной быстротой, но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и бѣдность народныхъ массъ. Чѣмъ больше развивалась англійская торговля, чѣмъ сильнѣе укрѣплялась англійская промышленность, чѣмъ больше притекало золота въ Англію, тѣмъ все хуже и хуже становилось положеніе англійскихъ рабочихъ, трудомъ которыхъ созидалось это богатство.

Въ IV главѣ мы видѣли, какая масса народу, благодаря обезземеленію, осталась безъ крова и работы. Когда стало развиваться крупное капиталистическое производство, множество обнищавшихъ ремесленниковъ и разоренныхъ крестьянъ превратились въ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Съ теченіемъ лѣтъ эти рабочіе образовали особый общественный классъ, классъ пролетаріевъ, или наемныхъ рабочихъ. У нихъ не было ни собственной земли,

ни собственной мастерской, ни собственнаго дома. Они имѣли только рабочую силу, которую и продавали. Силу эту покупалъ у нихъ фабрикантъ, заводчикъ, фермеръ и купецъ и употреблялъ ее на созданіе своихъ богатствъ. Владѣлецъ же рабочей силы—рабочій—получалъ за свой трудъ столько, чтобы кое-какъ кормиться самому и кормить свою семью. Впрочемъ, уже въ самомъ началѣ крупной промышленности въ фабричную работу втянулась почти вся его семья; на фабрикѣ стали работать и онъ самъ, и его жена, и его дѣти.

Всякая машина облегчаетъ и упрощаетъ человѣческій трудъ. Ремесленникъ пускалъ въ ходъ свои руки, вооруженныя рабочимъ инструментомъ. Его работа требовала отъ него большой физической силы и не всегда была доступна женщинѣ и дѣтямъ. Работа на машинѣ требуетъ не силы, а ловкости, поэтому ее могутъ выполнять женщины и даже дѣти. Поэтому, чѣмъ больше распространялось употребленіе машинъ, тѣмъ больше становилось на фабрикахъ женщинъ-работницъ и маленькихъ работниковъ, дѣтей. Но почему же женщина пошла на фабрику? Неужели домашняя работа казалась ей тяжелѣе фабричной? И что заставило отцовъ и матерей посылать на фабрику и своихъ дѣтей.

Въ началѣ 19 столѣтія одно машинное усовершенствованіе слѣдовало за другимъ. Но всякое такое усовершенствованіе тяжело отражалось на рабочихъ. Когда фабрикантъ заводилъ новую машину, онъ разсчитывалъ часть своихъ рабочихъ. Куда они ему? То, что дѣлали раньше двое-трое, дѣлаетъ при новой машинѣ одинъ. Слѣдовательно, половина, а то и двѣ трети рабочихъ оказывались лишними. Эти лишніе должны были уходить въ другія мѣста и искать себѣ работу тамъ. Но введеніе новыхъ, лучшихъ машинъ вліяло, какъ мы уже знаемъ, и на

ремесленниковъ: они все больше разорялись и тоже пускались въ поиски за работой. Такъ машина, увеличивающая производительность труда, дѣлающая его легче и проще, становилась проклятіемъ людей. Капиталистамъ она приносила неисчислимыя выгоды, рабочимъ—неизмѣримыя бѣдствія. Нуждаясь въ работѣ, рабочіе соперничали другъ съ другомъ, сбивая другъ у друга плату. Увидавъ, что на фабрикѣ можно работать женщинамъ и дѣтямъ, они стали посылать туда своихъ женъ и малолѣтнихъ сыновей и дочерей. Вначалѣ казалось, что это выгодно: всѣ работаютъ, всѣ получаютъ деньги. Но на дѣлѣ вышло иное. Женщинамъ платили меньше, чѣмъ мужчинамъ, дѣтямъ еще меньше, чѣмъ женщинамъ. Но женщина работала на машинѣ столь же много и такъ же хорошо, какъ и мужчина. Она была даже болѣе ловкой. Зачѣмъ же хозяину нанимать мужчинъ, когда онъ можетъ нанять гораздо дешевле женщинъ? И вотъ, мужской трудъ сталъ все сильнѣе падать въ цѣнѣ, и многіе рабочіе соглашались работать за ту же плату, что и работницы, но такъ какъ женщины вообще податливѣе, смирнѣе и покорнѣе мужчинъ, то фабриканты и въ этомъ случаѣ предпочитали ихъ мужчинамъ. Что же касается дѣтей, то они попадали на фабрику отчасти изъ воспитательныхъ домовъ, отчасти изъ семей рабочихъ, гдѣ царила постоянная нужда.

Итакъ, рабочіе находились въ постоянной опасности потерять работу, если ее имѣли, и на краю голодной смерти, если ее уже потеряли. Поэтому среди рабочихъ на могло быть и рѣчи о хорошей, спокойной и обезпеченной жизни. Они либо перебивались, что называется, съ хлѣба на квасъ, либо голодали, погрязая въ самомъ безпросвѣтномъ нищенствѣ. Присмотримся поближе къ ихъ жизни.

Въ каждомъ промышленномъ городѣ имѣются кварталы, неселенные, главнымъ образомъ, рабочимъ людомъ. Это рабочіе кварталы. Грязные, облѣзлые дома. Грязныя улицы, отсутствіе зелени, пыль, скверный воздухъ. Въ Англіи первой половины 19 вѣка они имѣли страшно неопрятный и скверный видъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ внѣшнимъ видомъ и внутренность рабочихъ жилищъ носила ужасную печать бѣдности. Вотъ что говоритъ объ одномъ изъ такихъ рабочихъ кварталовъ въ богатѣйшемъ изъ англійскихъ городовъ, Манчестерѣ, знаменитый нѣмецкій ученый, Энгельсъ: «Въ довольно глубокой котловинѣ, окруженной полукругомъ рѣчки Медлокъ и со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими фабриками, застроенными берегами и насыпями, скучены въ двѣ группы около 200 коттэджей (такъ называютъ англичане небольшихъ размѣровъ дома), по большей части съ общей задней стѣной для двухъ домовъ; здѣсь живетъ около 4.000 человѣкъ, исключительно ирландцевъ. Коттэджи ветхи, грязны и очень малы, улицы неровны, ухабисты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣютъ ни мостовыхъ, ни сточныхъ канавъ. Массы нечистотъ, отбросовъ и отвратительной грязи, множество стоячихъ лужъ покрываютъ улицы, заражая воздухъ отвратительными испареніями, воздухъ, который и безъ того пропитанъ дымомъ дюжины фабричныхъ трубъ. Бродитъ по этимъ улицамъ масса оборванныхъ дѣтей и женщинъ, столь же грязныхъ, какъ свиньи, чувствующія себя превосходно въ кучахъ мусора и лужахъ... Люди, живущіе въ этихъ коттэджахъ, за разбитыми окнами съ кускомъ промасленаго полотна вмѣсто стекла, за растрескавшимися дверьми въ полусгнившихъ косякахъ, или въ темныхъ сырыхъ подвалахъ, въ этой безмѣрной грязи и вони... не могутъ не быть полудикими людьми... Въ каждомъ изъ этихъ домиковъ, состоящихъ, самое бо́льшее, изъ

двухъ комнатъ и мансарды (комнаты подъ крышей) и развѣ еще подвала, живетъ, въ среднемъ, человѣкъ двадцать; во всемъ кварталѣ одно отхожее мѣсто приходится на 120 человѣкъ». Подвалы, еще болѣе грязные, чѣмъ комнаты, къ тому же еще сырые, тоже заселялись рабочими. Тѣ же самыя картины можно было наблюдать въ то время рѣшительно во всѣхъ промышленныхъ городахъ. Вездѣ самые скверные дома занимались рабочими. Чѣмъ хуже домъ, тѣмъ дешевле въ немъ комнаты. Большинство же рабочихъ были такъ бѣдны, что не могли позволить себѣ имѣть чистую, свѣтлую, съ хорошимъ воздухомъ и другими удобствами квартиру. Такъ жила та часть рабочихъ, которая имѣла работу. Что же касается безработныхъ и разорившихся ремесленниковъ, то положеніе ихъ было еще ужаснѣе. Одинъ докторъ, посѣтившій тѣ улицы города Глазго, гдѣ ютилась бѣднота, писалъ: «Въ этихъ закоулкахъ и переулкахъ Глазго живетъ подвижное населеніе отъ 15 до 30 тысячъ человѣкъ. Какъ ни отвратителенъ былъ внѣшній видъ этихъ домовъ, грязь и нищета внутри превзошли всѣ мои ожиданія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ, которые мы (полицейскій чиновникъ и докторъ) посѣтили ночью, мы нашли въ каждой комнатѣ отъ 15 до 20 человѣкъ, лежавшихъ на полу, одѣтыхъ и нагихъ, мужчинъ и женщинъ вперемежку. Постелью имъ служила куча полусгнившей соломы, перемѣшанной съ тряпками. Мебели здѣсь совсѣмъ не было, или было очень мало, и единственно, что этимъ ямамъ придавало жилой видъ, былъ огонь въ каминѣ. Главными средствами пропитанія этого населенія служитъ воровство и проституція».

Постоянная нужда заставляла рабочихъ скупиться во всемъ, не только въ жилищѣ. Одежду они имѣли скверную, пищу отвратительную. Старались купить подешевле,

и вмѣсто хорошаго получали всякую дрянь. Понятно, что всякія болѣзни свирѣпствовали среди нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ среди имущихъ людей. Чахотка, тифъ, горячка ежегодно уносили множество рабочаго люда; въ особенности много умирало дѣтей.

Чисто одѣтые и сытые люди, взирая на рабочаго, брезгливо морщились, видя на немъ какую-то рвань вмѣсто одежды, замѣчая его грубый языкъ, ругань, невѣжество и неудержимую склонность къ водкѣ. Но при тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ жили рабочіе, они не могли заботиться о чистотѣ, не имѣли времени учить своихъ дѣтей и учиться сами, не могли противиться соблазну напиться до безчувствія.

Какая можетъ быть опрятность въ одеждѣ, когда въ небольшой комнаткѣ живетъ по 10 и 20 человѣкъ рабочихъ разнаго пола и возраста? Не можетъ быть при такой жизни и чистоты внутренней, нравственности. Мужчины и женщины спятъ вмѣстѣ, вповалку. Дѣти видятъ развратъ взрослыхъ и сами привыкаютъ къ нему. Всѣ наблюдатели фабричной жизни въ одинъ голосъ говорили о томъ наглomъ развратѣ, который царилъ среди рабочихъ. Нерѣдко бывали случаи, когда дѣвушки 13—14 лѣтъ становились матерями. Женщинъ, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ, портили не только ихъ товарищи по работѣ, мужчины, но и сами фабриканты или управляющіе заводомъ. Дѣвушка, которая отвергала гнусныя предложенія хозяина или начальника, выгонялась и, слѣдовательно, теряла заработокъ. Страхъ передъ голодомъ дѣйствовалъ на самыхъ упрямыхъ, и онѣ сдавались. Съ теченіемъ времени онѣ вообще теряли стыдъ и нерѣдко, чтобы увеличить свой скудный заработокъ, торговали своимъ тѣломъ. Проституція была очень развита среди фабричныхъ работницъ. Семейной жизни рабочіе не зна-

ли. Отецъ и мать почти не видали своихъ дѣтей, развѣ только ночью, когда они возвращались домой на отдыхъ, да по праздникамъ. Дѣти росли безъ родительской ласки, подъ присмотромъ какой-нибудь старухи, полуголодныя, полуодѣтыя, грязныя, неумытыя, какъ маленькіе звѣреныши. Какъ только достигали они такого возраста, когда могли хоть что нибудь дѣлать, родители спѣшили отправить ихъ на фабрику: все не безъ дѣла будутъ, кое-что заработаютъ. Объ ученьи не могло быть и рѣчи. Гдѣ тамъ въ школу ходить, когда ѣсть нечего! Да и школъ почти совсѣмъ не было для рабочихъ. Понятно, что, выросши безъ материнской ласки и призору, въ грязи и бѣдности, безъ образованія, рабочіе становились грубыми, дикими людьми. Понятно, что единственными ихъ развлеченіями были половой развратъ и пьянство. Водка какъ бы переносила рабочаго въ другой міръ, гдѣ онъ не видитъ той горькой нужды, которая держитъ его въ своихъ когтяхъ. Кромѣ того, она немного скрашивала и его питаніе; извѣстно, что чѣмъ хуже люди питаются, тѣмъ больше склонности чувствуютъ они къ острымъ, возбуждающимъ веществамъ и напиткамъ.

Фабриканты, пользовавшіеся трудомъ этихъ обездоленныхъ людей, обыкновенно не обращали ни малѣйшаго вниманія на бѣдственную жизнь рабочихъ. Они заботились только объ одномъ: какъ бы больше выгоды извлечь изъ ихъ труда. Если бы они могли, они заставили бы ихъ работать на себя круглыя сутки. Но, къ сожалѣнію для себя, они не въ состояніи принудить къ этому рабочихъ. Тогда они стараются вообще какъ можно больше удлинить рабочій день. Взрослые работали часовъ по 15—18 въ сутки, дѣти 14—16 часовъ. Нерѣдко за такой продолжительной работой проводили время дѣти шестилѣтняго возраста. Конечно, такая непомѣрно длительная

работа страшно обезсиливала дѣтей, они становились вялыми, блѣдными, имъ постоянно хотѣлось спать, многіе изъ нихъ подвергались разнымъ заболѣваніямъ и умирали, изъ большинства выростали хилые, искалѣченные работой люди.

Но не только длинный рабочій день угнеталъ рабочихъ. Помѣщенія, въ которыхъ они работали, были тѣсны, грязны и душны. Хозяинъ рѣдко заботился о томъ, чтобы предоставить своимъ рабочимъ свѣтъ, чистый воздухъ и опрятное помѣщеніе. Работать приходилось частенько стоя, отчего болѣли ноги, грудь, спина. На фабрикахъ работа и безъ того опасна для здоровья. Такъ, во многихъ помѣщеніяхъ бумаго и льнопрядильныхъ фабрикъ летаетъ масса волоконецъ, вызывающихъ легочныя заболѣванія. Не всѣ одинаково переносятъ эту работу, но если бы даже какой-нибудь рабочій и зналъ, что ему угрожаетъ тяжкая, смертельная болѣзнь, развѣ онъ могъ бы отказаться отъ мѣста? И вотъ большинство изъ нихъ начинаютъ харкать кровью, чувствовать боль въ груди, дышатъ они со свистомъ и хрипѣніемъ, получаютъ безсонницу. А все это ведетъ прямымъ путемъ къ чахоткѣ. Пряденіе льна—занятіе, преимущественно, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. И на нихъ оно отзывается самымъ пагубнымъ образомъ. На полу стоятъ лужи воды, платье насквозь промочено брызгами, летящими со шпулекъ. Работницъ бросаетъ и въ жаръ, и въ холодъ, но они не смѣютъ уйти, должны работать: все равно лучшаго не найти. Кромѣ того, обращеніе съ нѣкоторыми машинами требуетъ огромной осторожности. Малѣйшій промахъ, и рабочій превращается въ искалѣченный трупъ. Самыя опасныя мѣста машинъ—это приводные ремни. Подхваченный этими ремнями, человѣкъ съ такой силой ударяется объ полъ или потолокъ, что въ немъ ни одна

кость не остается цѣлой, и смерть наступаетъ моментально. Въ лучшихъ случаяхъ человѣкъ теряетъ ногу, руку, рёбра. Но для рабочаго, превращеннаго въ неспособнаго къ работѣ калѣку, это хуже смерти. Конечно, фабриканты могли бы ввести всякія приспособленія, которыя ограждали бы рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Но эти приспособленія стоятъ денегъ. А свои деньги фабриканту безконечно дороже, чѣмъ чужая жизнь.

Вообще рабочіе попали въ самую тяжкую зависимость отъ фабрикантовъ. «Въ половинѣ шестого утра рабочій долженъ быть на фабрикѣ—пишетъ Энгельсъ.—Опаздываетъ онъ на двѣ минуты, его ждетъ штрафъ, а если онъ опаздываетъ на десять минутъ, его вовсе не впускаютъ до перерыва, и изъ «заработной платы вычитаютъ за четверть дня (хотя бы онъ не работалъ всего $2^1/_2$ часа изъ 12). Онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ по командѣ». На фабрикѣ хозяинъ издаетъ правила, какія ему заблагоразсудится. Когда же рабочій начинаетъ роптать, фабрикантъ говоритъ ему: «Я-жъ тебя, братецъ, не принуждаю; хочешь—уходи, хочешь—служи. Но разъ ты мнѣ служишь, такъ подчиняйся моимъ правиламъ». Главнѣйшими правилами были вычеты изъ жалованья, штрафы, которые накладывались за малѣйшіе проступки,—за разговоръ, за пѣніе и насвистываніе во время работы, за опозданіе. Рабочій обязывался заблаговременно (за недѣлю, за двѣ) предупредить хозяина о своемъ уходѣ; самъ же хозяинъ могъ его прогнать во всякое время. Штрафныя деньги достигали часто такой огромной суммы, что большая половина рабочаго жалованья вновь попадала въ хозяйскій карманъ. По свидѣтельству многихъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, нѣкоторые хозяева пускались даже на явное мошенничество, чтобы заставить рабочихъ уплатить штрафъ и работать больше условленнаго времени. Иные фабриканты

передвигали на фабрикахъ утромъ часы на четверть впередъ. Вечеромъ же часы таинственнымъ образомъ опаздывали настолько же. Такимъ путемъ фабрикантъ заставлялъ рабочихъ работать полное время и въ то же время облагалъ ихъ штрафомъ за «опозданіе».

Были и еще способы, къ которымъ прибѣгали фабриканты, чтобы принудить беззащитныхъ рабочихъ вновь отдавать имъ бо̀льшую часть заработанныхъ у нихъ денегъ. Фабрикантъ открывалъ у себя лавочку со всевозможными товарами, которые онъ продавалъ чуть не вдвое дороже, чѣмъ другіе лавочники, но за то въ долгъ. Приходитъ день выдачи заработка, и рабочій съ горестью убѣждался, что чуть не всѣ деньги идутъ въ уплату долга; на руки ему выдавалась бездѣлица, а то и совсѣмъ ничего. Другой способъ—это рабочія жилища. Когда фабрика дѣйствуетъ въ деревнѣ, рабочіе не всегда находятъ въ ней квартиры. Тогда жилища выстраиваетъ имъ фабрикантъ, и вокругъ фабрики нерѣдко вырастаетъ цѣлый рабочій городокъ. О томъ, каковы рабочія квартиры, мы уже говорили. Но если онѣ напоминали больше логовище звѣря, чѣмъ жилище человѣка, зато приносили фабриканту огромный доходъ, ибо онъ могъ брать за нихъ, сколько хотѣлъ, такъ какъ другихъ жилищъ рабочіе все-равно не находили.

Англійскій поэтъ Томасъ Гудъ написалъ стихотвореніе «Пѣснь о рубашкѣ», въ которой онъ слѣдующимъ образомъ описалъ долю рабочаго:

Мой трудъ безконечно жестокъ.
А платье?—отрепье. Солома въ углу
Да черствaго хлѣба кусокъ,
Скамейка да столъ—голый полъ.
Убогая кровля сквозится.
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ

Порой моя тѣнь отразится.

. . . . . .

. . . . . .

О, Боже! Зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

Но если рабочая жизнь полна бѣдствій въ обычное время, когда фабрики работаютъ полнымъ ходомъ, а тор-

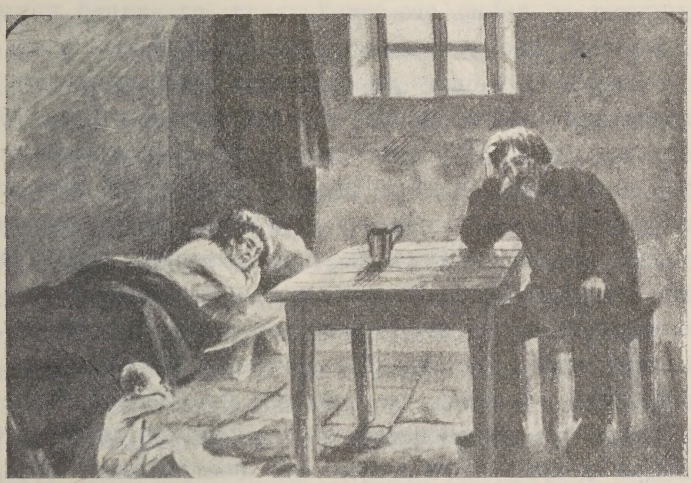


Рис. 15. Безъ работы.

говля процвѣтаетъ, то что же испытываютъ рабочіе во время промышленныхъ кризисовъ! Мы уже говорили въ предыдущей главѣ, что во время кризисовъ производство сокращается. Фабриканты либо совсѣмъ закрываютъ свои фабрики, либо уменьшаютъ число рабочихъ. Масса рабочаго люда остается безъ крова и пристанища. Тѣ, кто успѣли кое-что прикопить, проѣдаютъ свои сбереженія; кто ничего не имѣетъ, обращается въ нищихъ. Начинаются болѣзни, взрослые и дѣти мрутъ отъ голода и тифа (рис. 15). Въ 1866 году въ Англіи послѣ одного

изъ такихъ кризисовъ нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ вдругъ оказалось безъ работы. Въ одномъ Лондонѣ безработныхъ было до 50 тысячъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ положеніе корреспондентъ одной газеты, лично посѣтившій много рабочихъ жилищъ: «Въ первомъ домѣ, въ который мы вошли, жилъ рабочій съ желѣзодѣлательнаго завода, уже 27 недѣль не имѣющій занятій. Я нашелъ его сидящимъ со всѣмъ его семействомъ въ задней комнатѣ. Въ комнатѣ еще оставалась кое-какая мебель и въ ней былъ огонь. Онъ былъ необходимъ, чтобы защитить отъ холода голыя ноги младшихъ дѣтей, такъ какъ день былъ очень морозный. Противъ огня на тарелкѣ лежала пакля, которую жена его и дѣти щипали для полученія хлѣба изъ рабочаго дома. Мужъ работалъ надъ разбивкой камней, за что получалъ изъ рабочаго дома около 9 коп. въ день (рабочій домъ устроилъ работы для безработныхъ и этимъ нѣсколько смягчалъ положеніе многихъ изъ нихъ). Теперь онъ воротился домой сильно проголодавшись, а обѣдъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ ломтей хлѣба съ свинымъ саломъ и одной чашки чая... Слѣдующую дверь, въ которую мы постучались, отворила намъ женщина среднихъ лѣтъ и, ни слова не говоря, провела насъ въ заднюю комнату, гдѣ молча сидѣло все ея семейство и смотрѣло на быстро потухающій огонь. На этихъ лицахъ видна была такая безнадежность, а въ ихъ маленькой комнатѣ было такое запустѣніе, что я не желалъ когда-нибудь въ другой разъ увидать подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь», сказала женщина, показывая на своихъ дѣтей, «ничего, въ продолженіи 26 недѣль, всѣ деньги вышли, всѣ деньги, которыя ихъ отецъ и я откладывали на черный день... Вотъ посмотрите!»—вскричала она почти дикимъ голосомъ, развертывая сберегательную книжку. Въ ней аккуратно были

отмѣчены всѣ внесенныя и взятыя деньги; все, что было скоплено, уже исчезло, и книжка не имѣла никакой цѣны. Это семейство получало ежедневно одинъ скудный обѣдъ изъ рабочаго дома... Послѣ этого мы посѣтили жену одного ирландца, работавшаго на корабельныхъ верфяхъ. Мы нашли ее больною отъ недостатка пищи; не раздѣтая она лежала на матрацѣ, едва прикрывшись обрывкомъ ковра, такъ какъ всѣ постельныя принадлежности были заложены. Несчастныя дѣти ухаживали за ней, но они, казалось, сами нуждались въ материнскихъ заботахъ».

Съ 1834 года повсюду въ Англіи стали строить рабочіе дома. Сюда помѣщались всѣ, не имѣвшіе работы и просившіе милостыню. Вмѣстѣ съ тѣмъ зажиточные люди были избавлены отъ прежняго налога въ пользу бѣдныхъ. Такимъ образомъ, бѣднякамъ приходилось либо работать, либо жить въ рабочемъ домѣ: просить милостыню строго воспрещалось. Однако благотворители позаботились о томъ, чтобы эти дома не заполнялись голоднымъ людомъ. Сдѣлать это было очень просто: для этого нужно было только превратить жизнь обитателей рабочихъ домовъ въ каторгу. Ихъ обременяли скучной, ненужной и тяжелой работой, кормили мало и скверно, по бо́льшей части картофелемъ и сухимъ хлѣбомъ. Даже въ тюрьмахъ пища была гораздо лучше. Обращеніе съ ними было самое грубое. Жену разлучали съ мужемъ, дѣтей съ родителями. На улицу выпускали очень рѣдко и не позволяли видѣться съ посторонними людьми. Таковы были пріюты для престарѣлыхъ рабочихъ и вообще для всѣхъ бѣдныхъ, обратившихся къ общественной помощи. Немудрено, что рабочіе отъ всей души ненавидѣли эти дома и шли туда только тогда, когда имъ грозила неминуемая смерть отъ голода.

Таково было положеніе англійскаго рабочаго класса

въ первой половинѣ 19 столѣтія, т. е. въ то время, когда капиталистическая промышленность уже прочно утвердилась въ Англіи. Ко всему тому гнету, который наложили на нихъ фабриканты, присоединялось еще и нѣкоторое презрѣніе, съ которымъ относились къ нимъ имущіе люди. На рабочихъ смотрѣли, какъ на низшую породу людей, и даже не людей, а просто «рабочія руки». О нихъ такъ и говорили, не только необразованные фабриканты, купцы, лавочники, чиновники, но даже ученые: «рабочія руки». Рабочіе, это—все пьяницы, безчестные люди, рабочіе только и думаютъ о томъ, какъ бы навредить хозяину; дай имъ волю, они погубятъ всю промышленность, всѣ фабрики, всю торговлю и земледѣліе страны,— вотъ какъ разсуждало большинство имущихъ людей того времени. А государственные люди, стоявшіе наверху власти, сомнѣвались въ томъ, нужно ли рабочимъ образованіе: вѣдь, это простыя рабочія руки, могутъ обойтись и безъ этого.

Судебная власть сосредоточена въ Англіи въ рукахъ выбранныхъ населеніемъ мировыхъ судей. Въ то время правомъ избранія обладали только дворяне-землевладѣльцы и богатые промышленники. Понятно, что избранные ими судьи во всѣхъ столкновеніяхъ между хозяевами и рабочими почти всегда становились на сторону первыхъ и карали вторыхъ. Когда богачъ приглашался въ судъ, судья всячески извинялся передъ нимъ за безпокойство и т. д. Дѣло кончалось обыкновенно лишь незначительнымъ штрафомъ. Но стоило предстать предъ глазами судьи бѣдняку, дѣло мѣнялось. Бѣднякъ долженъ былъ прежде всего провести ночь наканунѣ суда въ арестантскомъ домѣ, вмѣстѣ съ другими такими же преступниками. На него съ самаго начала смотрѣли, какъ на виновнаго, покрикивали на него и на всѣ оправданія отвѣ-

чали: «Знаемъ мы вашего брата!» Дѣло кончалось довольно значительнымъ штрафомъ, а такъ какъ бѣднякъ уплатить его все равно не могъ, то—нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы.

Въ другихъ странахъ Европы капиталистическая промышленность появилась позднѣе, чѣмъ въ Англіи, но и туда она приносила съ собою, съ одной стороны, неизмѣримыя богатства, съ другой—неописуемую бѣдность. Богатства скоплялись въ рукахъ крупной буржуазіи [1]), бѣдность выпадала на долю рабочаго класса. Въ Германіи, напримѣръ, капитализмъ сталъ усиленно расти въ концѣ первой половины 19 вѣка. Мелкіе ремесленники разорялись, бросали свое дѣло и шли на фабрики. А на фабрикахъ царилъ ужасный произволъ хозяевъ. Низкая плата, непомѣрно-длинный рабочій день, скверный воздухъ, увѣчья отъ машинъ, грубое обращеніе, штрафы, всевозможныя прижимки,—вотъ что ожидало рабочихъ на фабрикахъ. И здѣсь такъ же, какъ въ Англіи, калѣчились сотни тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Во Франціи, Бельгіи повторялась въ общемъ та же самая исторія, оправдывая изреченіе указаннаго нами англійскаго писателя, что «трудъ бѣдныхъ—это рудникъ богатыхъ». На долю рабочихъ выпадала не только бѣдность, но и почти полное безправіе. Выходило такъ, что бо́льшая часть народа жила исключительно для того, чтобы работать на меньшую, отдавая ей всѣ свои силы, всю свою жизнь.

---

[1]) Буржуазія—это общественный классъ, владѣющій недвижимою собственностью и деньгами. Буржуазія бываетъ крупная, состоящая изъ очень богатыхъ людей, средняя и мелкая. Рабочіе составляютъ другой классъ, классъ пролетаріевъ, у которыхъ нѣтъ ни недвижимой собственности, ни денегъ.

IX.

Какъ возникла охрана труда закономъ.

Мы видѣли, что положеніе рабочихъ въ первыя времена господства крупной капиталистической промышленности было прямо таки ужасное. Но, вѣдь, въ каждомъ государствѣ существуетъ правительство, а правительство, какъ извѣстно, должно заботиться о благѣ *всего* населенія, стало быть и рабочихъ. Почему же англійское правительство не потрудилось облегчить положеніе англійскихъ рабочихъ? Почему не дѣлало того-же самаго французское и нѣмецкое правительство по отношенію къ зависимымъ отъ нихъ рабочимъ?

Во всѣхъ странахъ правительственная власть находилась въ рукахъ богатыхъ и состоятельныхъ людей. А эти люди заботились не о всемъ народѣ, а, главнымъ образомъ, о своихъ собственныхъ интересахъ, т. е. объ интересахъ того класса, къ которому они принадлежали. Когда, напримѣръ, графиня Сутерландъ пустила по міру нѣсколько тысячъ людей, отнявъ у нихъ землю, англійское правительство вовсе и не думало посадить ее въ тюрьму за такое преступленіе. Напротивъ, оно помогало ей въ этомъ дѣлѣ, прославъ ей солдатъ. Такимъ же точно образомъ поступало и всякое правительство.

Но такое безпощадное уничтоженіе множества человѣческихъ жизней не могло продолжаться безконечное время. Наступилъ моментъ, когда правительство выступило и на защиту рабочихъ.

Въ Англіи это случилось въ 1802 году, когда вышелъ законъ «для охраненія здоровья и нравственности учениковъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ» (учениками

назывались работавшія на фабрикахъ дѣти). До этого времени фабриканты самымъ безцеремоннымъ образомъ скупали дѣтей изъ сиротскихъ домовъ и изнуряли ихъ на своихъ фабрикахъ, заставляя ихъ работать чуть не цѣлыя сутки. Правительство запретило изнурять дѣтей черезъ-чуръ утомительной и длительной работой. Въ 1819, 1825, 1829 и 1831 годахъ вышли еще подобные же законы, но какъ на первый, такъ и на эти законы фабриканты не обращали вниманія, да правительство и не настаивало на ихъ исполненіи: оно издало ихъ такъ, «для очистки совѣсти».

Между тѣмъ среди рабочихъ стали происходить волненія. То тамъ, то здѣсь вспыхивали стачки, разбивались машины, сжигались фабричныя зданія. Рабочіе союзы были воспрещены. Но рабочіе составляли тайные союзы, эти союзы ширились и росли. За принадлежность къ этимъ союзамъ рабочимъ грозила тюрьма. Но преслѣдованія только ожесточали ихъ и дѣлали болѣе мстительными. Наконецъ, правительство сообразило, что, пожалуй, лучше будетъ разрѣшить рабочіе союзы. Въ 1824 г. былъ опубликованъ соотвѣтствующій законъ. Тогда рабочіе союзы стали расти, какъ грибы послѣ дождя. Правительство испугалось и уже въ слѣдующемъ году значительно сократило свободу рабочихъ союзовъ. Но рабочее движеніе не остановилось. Рабочіе поняли, что «въ единеніи—сила», и продолжали всюду объединяться въ союзы. Началась серьезная борьба противъ гнета капитала.

Верховная власть въ Англіи находится въ рукахъ короля и парламента (такъ называется собраніе народныхъ представителей). Въ то время въ парламентѣ засѣдали, главнымъ образомъ, землевладѣльцы-дворяне. Понятно, что правительство заботилось, главнымъ образомъ, объ

интересахъ крупнаго землевладѣнія. Такъ, именно въ этихъ интересахъ былъ изданъ въ 1815 г., такъ называемый, «хлѣбный законъ». Ввозъ иностраннаго хлѣба былъ обложенъ высокими пошлинами. Поэтому, цѣна на хлѣбъ стояла высокая. Но именно этого-то и хотѣли землевладѣльцы. Они производили много хлѣба и сбывали его съ большимъ барышемъ. Но фабрикантамъ и торговцамъ это было не по нутру. Дорогъ хлѣбъ—значитъ высока заработная плата. А чѣмъ выше плата рабочихъ, тѣмъ меньше ихъ прибыль. Понятно, поэтому, что промышленники были недовольны парламентомъ. Они много разъ обращались къ нему съ петиціями (просьбами) объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Но парламентъ, состоящій изъ землевладѣльцевъ, не обращалъ на эти петиціи никакого вниманія. Промышленники поняли, что парламентъ недостаточно защищаетъ ихъ интересы, и рѣшили такъ его измѣнить, чтобы въ немъ было достаточное количество защитниковъ интересовъ промышленности. Съ этой цѣлью они стали въ газетахъ, книгахъ и на публичныхъ собраніяхъ доказывать несправедливость существующаго порядка и требовать его измѣненія. Защитники стараго порядка, землевладѣльцы, напротивъ, отстаивали его по мѣрѣ силъ и нападали на промышленниковъ. Такъ завязалась отчаянная борьба между землевладѣльцами и промышленниками. Та и другая сторона изо всѣхъ силъ старалась доказать, что она защищаетъ не только свои интересы, но и интересы всего народа. Но главную часть народа составляли промышленные и сельско-хозяйственные рабочіе. Нападая на землевладѣльцевъ, защитники промышленности не стѣснялись раскрывать то ужасное положеніе, въ которомъ находились сельскіе батраки. Представители землевладѣнія, въ свою очередь, вытаскивали на свѣтъ Божій всю ту бѣдность, весь тотъ гнетъ,

подъ ярмомъ котораго фабричные рабочіе влачили свою жизнь. Отъ этой взаимной перепалки рабочій классъ выигралъ очень много. Всѣ тѣ законы, о которыхъ говорилось выше, изданы были парламентомъ именно благодаря указаннымъ разоблаченіямъ. И хотя эти законы плохо исполнялись, они все-жъ таки проложили дорогу законодательной охранѣ рабочихъ.

Въ то же самое время нашлось не мало и такихъ лицъ, которыя отъ всей души сочувствовали рабочему классу, видя его страданія, и которыя хотѣли чѣмъ нибудь облегчить его положеніе. Самымъ выдающимся среди этихъ людей былъ Робертъ Оуэнъ. Самъ онъ былъ фабрикантомъ, но отличался отъ другихъ фабрикантовъ своими взглядами. Онъ смотрѣлъ на рабочихъ не только какъ на «рабочія руки», но и какъ на людей. Онъ ввелъ на своей фабрикѣ десяти-съ-половиной-часовой день, платилъ рабочимъ хорошее жалованье, давалъ имъ чистыя, здоровыя квартиры, завелъ для ихъ дѣтей школу. Его рабочимъ жилось лучше, чѣмъ во всей остальной Англіи. Но Робертъ Оуэнъ не довольствовался этимъ; онъ проповѣдывалъ необходимость полнаго переустройства общества, такъ чтобы бѣдность, безработица, нищета и невѣжество народныхъ массъ исчезли совсѣмъ съ лица земли. Но такихъ людей, какъ Оуэнъ, было очень мало. Фабриканты вовсе не склонны были подражать его примѣру и продолжали попрежнему смотрѣть на рабочихъ, какъ на рабочую скотину.

Между тѣмъ недовольство парламентомъ распространялось все шире и шире. Становилось ясно, что нужно было дать въ немъ мѣсто представителямъ торговли, промышленности и рабочихъ. Какъ ни противились аристократы нововведеніямъ, парламентъ склонился передъ необходимостью, и въ 1832 году имъ былъ принятъ новый

избирательный законъ. Теперь на ряду съ землевладѣльцами въ парламентѣ очутились и представители промышленности; они составили въ немъ даже большинство.

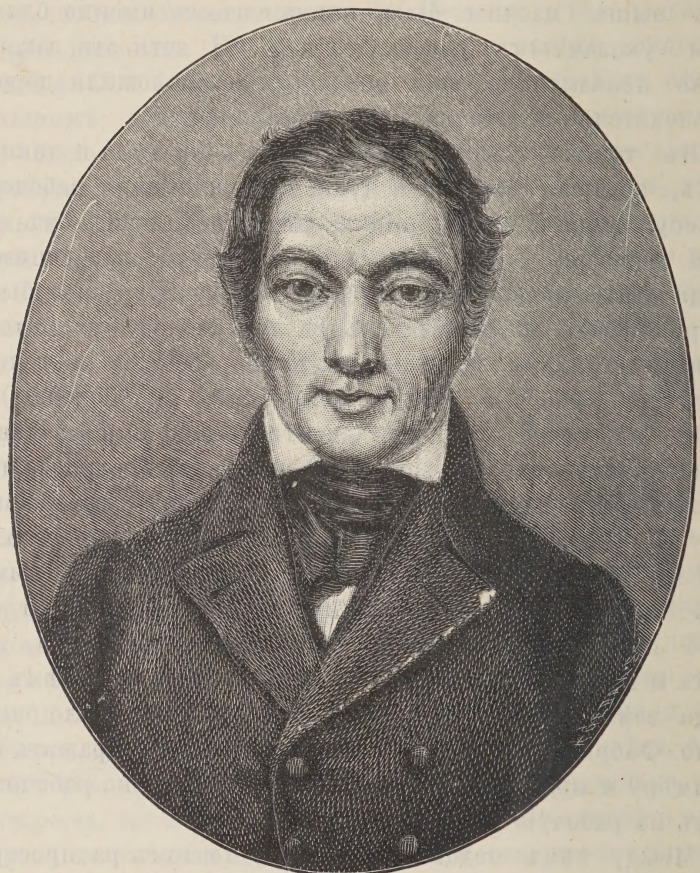


Рис. 16. Робертъ Оуэнъ.

Въ слѣдующемъ же году (1833) новый парламентъ издалъ очень важные законы объ охранѣ рабочихъ.

Трудъ дѣтей моложе 9 лѣтъ былъ запрещенъ. Дѣти

отъ 9 до 13 лѣтъ могли работать только 8 часовъ, а подростки отъ 13 до 18 лѣтъ—только 12 часовъ въ сутки. Ночной трудъ дѣтей и подростковъ тоже воспрещался. При этомъ допущены были различныя оговорки о тѣхъ случаяхъ, когда всѣ эти воспрещенія и ограниченія не имѣли силы. Эти оговорки сильно помогали фабрикантамъ обходить законъ. Одновременно съ этимъ введено было обязательное посѣщеніе школы въ теченіе двухъ часовъ въ день для всѣхъ дѣтей моложе 13 лѣтъ. Фабриканты, принимавшіе на работу дѣтей безъ свидѣтельства о посѣщеніи школы, платили штрафъ. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ этихъ законовъ были назначены особые чиновники, получившіе названіе фабричныхъ инспекторовъ.

Тамъ, гдѣ эти законы стали точно примѣняться, положеніе рабочихъ значительно улучшилось. Хотя о взрослыхъ рабочихъ въ законахъ не говорилось ни слова, однако на фабрикахъ самъ собою сталъ устанавливаться 12-часовой рабочій день. Почти всюду подростки и дѣти составлялп чуть не половину рабочихъ и они работали вмѣстѣ съ взрослыми. Разъ они не могли работать болѣе 12 часовъ въ сутки, фабриканту не было смысла заставлять взрослыхъ работать больше. Къ сожалѣнію, фабриканты такъ ловко обходили всѣ правила, установленныя закономъ, что инспектора не вездѣ успѣвали досмотрѣть. Когда же они привлекали фабрикантовъ къ суду, то судъ очень снисходительно относился къ этимъ нарушителямъ закона. Во множествѣ фабрикъ царили такимъ образомъ прежніе порядки.

Между тѣмъ, недовольство среди рабочихъ своими хозяевами разгоралось все сильнѣе. Все чаще и чаще раздавались требованія 10-часового дня. Часть фабрикантовъ, не сумѣвшихъ обойти установленные въ 1833 г.

законы, тоже была недовольна имп. «Ужъ если принуждаютъ насъ сокращать работу нашихъ рабочихъ,—разсуждали они,—такъ нужно, чтобы и всѣ другіе сокращали ее на столько же: иначе мы остаемся въ убыткѣ». Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, парламентъ выпустилъ въ 1844 году новый законъ, въ дополненіе къ старому. Трудъ дѣтей, моложе 13 лѣтъ, былъ сокращенъ до 7 и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ до $6^1/_2$ часовъ. Женщины старше 18-ти лѣтъ не могли работать болѣе 12 часовъ въ сутки. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1847 году, прошелъ, наконецъ, законъ и о 10-часовомъ днѣ. Подросткамъ до 18 лѣтъ и женщинамъ воспрещалось работать болѣе 10 часовъ въ сутки. Но этимъ самымъ такой же длины рабочій день устанавливался и для рабочихъ.

Эти законы были даны не по добротѣ сердечной, а въ силу необходимости. Рабочее движеніе все разгоралось. Рабочіе угрожали вооруженнымъ возстаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже горѣли фабрики и происходили стычки съ войсками. Парламентъ долженъ былъ спѣшить и какъ-нибудь умиротворить рабочихъ, иначе внутренняя кровавая война казалась неизбѣжной. Съ этой цѣлью и былъ изданъ законъ 1847 года.

Однако, 10-часовой день вводился не во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, а только на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ изготовлялись всякія ткани: шерстяныя, хлопчатобумажныя, льняныя и т. д. Въ рудникахъ, на мельницахъ, на металлическихъ заводахъ (рис. 17), въ разнаго рода мастерскихъ (портняжныхъ, сапожныхъ и т. д.) рабочіе попрежнему задыхались подъ тяжестью непомѣрно продолжительной работы. Но и тамъ, гдѣ законъ требовалъ 10-часового дня, онъ не всегда существовалъ на дѣлѣ. Тотчасъ же по изданіи закона фабриканты подняли от-

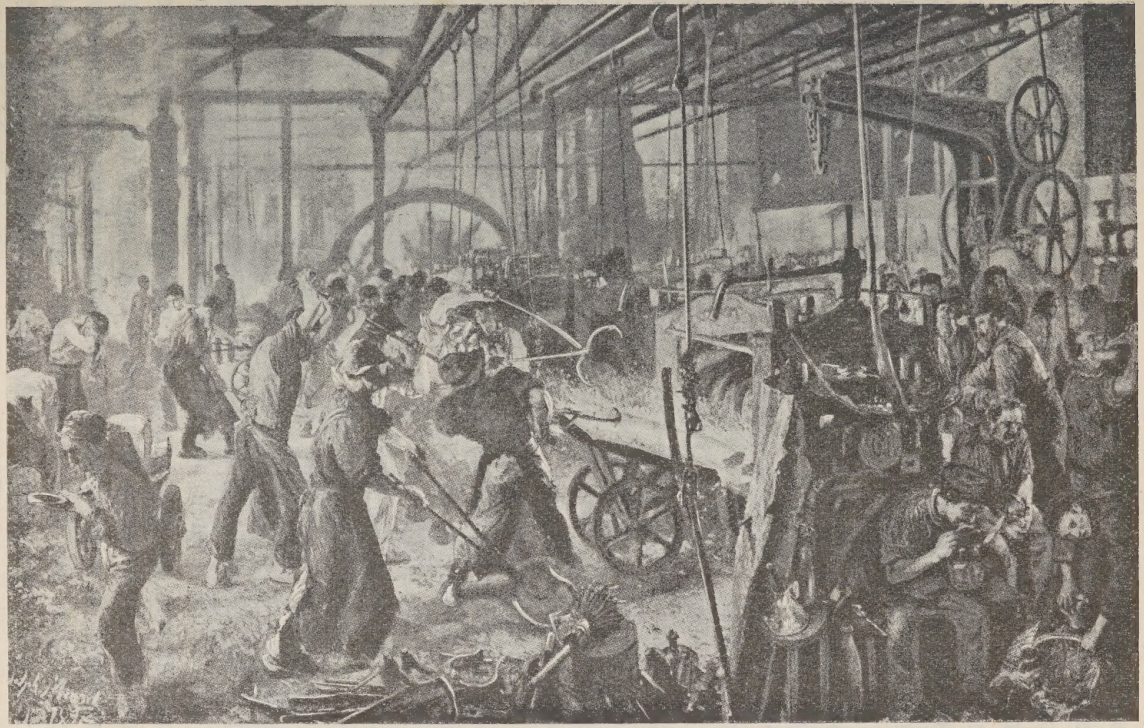


Рис. 17. На желѣзо-прокатномъ заводѣ.

чаянный крикъ. «Правительство насъ хочетъ разорить!» кричали они. Тысячи петицій (прошеній) полетѣли въ парламентъ. Смыслъ всѣхъ этихъ петицій сводился къ тому, что если не заставлять рабочихъ томиться надъ непосильной работой, то прибыль фабриканта страшно понизится; ради этой прибыли они требовали, чтобы имъ возвратили право попрежнему угнетать рабочихъ. Эти жалобы и стенанія обиженныхъ фабрикантовъ принесли свои плоды: правительство не всегда строго слѣдило за выполненіемъ закона. Фабриканты же не брезгали никакими мошенничествами, чтобы только удлинить работу дѣтей, подростковъ и взрослыхъ.

Однако, какъ-никакъ 10-часовой рабочій день былъ признанъ закономъ. Рабочіе настойчиво добивались его исполненія, и на многихъ фабрикахъ онъ, дѣйствительно, исполнялся очень строго. Тутъ-то и обнаружилось, что страхи фабрикантовъ о пониженіи ихъ прибыли были напрасны. Рабочіе уже не чувствовали такого страшнаго утомленія, какъ раньше; здоровье ихъ улучшилось, работали они охотнѣе, и работа ихъ выходила чище, правильнѣе и лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Мало того, ихъ трудъ сталъ производительнѣе: въ 10 часовъ они успѣвали сработать не только не меньше, чѣмъ раньше въ 12—14 часовъ, но даже больше. Многіе фабриканты поняли, что уменьшеніе рабочаго дня до 10 часовъ ничуть не грозитъ имъ разореніемъ, и помирились съ закономъ 1847 года. Съ этихъ поръ распространеніе этого закона на всю промышленность не встрѣчало уже черезчуръ сильныхъ препятствій. Постепенно 10-часовой день вводился и въ горномъ дѣлѣ, и въ обработкѣ металловъ, и въ различныхъ мастерскихъ. Въ 1878 году вышелъ одинъ общій для всей англійской промышленности законъ. Законъ этотъ дѣйствуетъ и понынѣ. Дѣтямъ, подросткамъ до 16 лѣтъ и

женщинамъ вовсе воспрещается подземная работа въ рудникахъ (рис. 18); воспрещается также подросткамъ и женщинамъ работать въ недѣлю болѣе 54 часовъ. Но не только законъ охраняетъ трудъ рабочихъ. Это же дѣлаютъ и сами

Рис. 18. Работа въ шахтахъ.

рабочіе, для чего они издавна объединились во всевозможные союзы.

Итакъ, мы видѣли, что въ Англіи первые шаги по охранѣ рабочихъ были сдѣланы тогда, когда расхищеніе

рабочихъ силъ достигло ужасающихъ размѣровъ. Но эта охрана сдѣлалась дѣйствительной съ того времени, когда за себя встали сами рабочіе. Подъ ихъ напоромъ парламентъ долженъ былъ идти на уступки и издавать законы о сокращеніи рабочаго времени. Не мало способствовала этому и борьба между партіей аристократовъ-землевладѣльцевъ и партіей промышленниковъ.

Въ другихъ странахъ правительство выступало на путь законодательной охраны рабочихъ только тогда, когда оно либо принуждалось къ тому рабочими, либо видѣло въ этомъ свой собственный интересъ.

Во Франціи, въ февралѣ 1848 года, вспыхнула революція, въ которой главными участниками были рабочіе. До этого времени ихъ принуждали работать, сколько хотѣлось фабриканту. Новое, вышедшее изъ революціи, правительство установило 10-часовой рабочій день для Парижа и 11-часовой для провинціи. Но вскорѣ же рабочіе были подавлены, а вмѣстѣ съ тѣмъ воцарился уже не 10, а 12-часовой день. И вообще, чѣмъ сильнѣе были рабочіе союзы, чѣмъ рѣшительнѣе добивались они законодательной охраны труда, тѣмъ лучше становилось положеніе рабочаго класса.

Въ Австріи крупная промышленность уже въ 60-хъ годахъ 19 столѣтія достигла довольно обширныхъ размѣровъ, но до 1885 г. не существовало ни одного закона для охраны рабочихъ. Только дѣти, работавшіе на фабрикахъ, пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ закона. Изслѣдованія, произведенныя нѣкоторыми учеными о положеніи рабочихъ, обнаружили поразительную бѣдность и безпросвѣтную жизнь рабочихъ. Въ то же время правительство стало замѣчать, что съ каждымъ годомъ число молодыхъ людей, годныхъ къ военной службѣ, становится все меньше. Въ 1871 г. изъ 10.000 призывав-

шихся оказались годными только 3.070 человѣкъ, а въ 1885 г. уже только 1.270. Больше всего негодныхъ поставляли фабричные округа. Ясное дѣло: фабричная работа калѣчила и портила людей, отнимая у нихъ силы и здоровье. Тогда правительство переполошилось. Оно сообразило, что если такъ дѣло будетъ идти и дальше, то оно вскорѣ останется безъ солдатъ. И только тогда рѣшило оно издать законы для охраны рабочихъ отъ хозяйской жадности. Какъ уже сказано, въ 1885 г. вышелъ законъ, который запрещалъ работу дѣтей до 14 лѣтъ и устанавливалъ для взрослыхъ 11 часовъ труда. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ допускались отступленія отъ этого правила.

О томъ, какъ правительство выступило на путь охраны труда въ другихъ странахъ, мы говорить не будемъ. Всюду дѣло шло, въ общемъ, одинаковымъ образомъ. Правительство сначала не обращало вниманія на бѣдствія рабочихъ и предоставляло фабрикантамъ полную свободу сколачивать капиталы, выжимая всѣ соки изъ рабочихъ. Но расхищеніе рабочихъ силъ становилось чрезмѣрно, въ странѣ развивалось нищенство, бѣдность, болѣзни; сами рабочіе начинали волноваться, и тогда правительство выступало на путь реформъ. Но только когда рабочіе сами приступали къ дѣлу, когда они объединялись въ союзы и вступали въ борьбу съ фабрикантами, только тогда начинались дѣйствительныя улучшенія въ ихъ жизни. О томъ, какъ и за что борются рабочіе въ настоящее время, будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

X.

Борьба за лучшую жизнь.

Мы видѣли, что во второй половинѣ 19 вѣка правительства разныхъ странъ стали проявлять нѣкоторыя за-

боты о рабочемъ классѣ. Рабочій день былъ укороченъ, дѣтская работа запрещена, фабрикантовъ заставили устраивать школы и больницы для рабочихъ. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Англіи. Все это нѣсколько облегчило тяжелую жизнь рабочаго люда. Но и теперь она очень тяжела. Вотъ какъ, напримѣръ, описываютъ знающіе люди жизнь нѣмецкихъ рабочихъ настоящаго времени. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ рабочихъ трудно отличить отъ «господъ». Рабочіе и ихъ жены обращаютъ большое вниманіе на чистоту и опрятность своего наряда. Зато въ будни они ходятъ въ довольно-таки грязномъ и рваномъ платьѣ. Квартиры у нихъ маленькія и тѣсныя, отдаленныя отъ мѣста работы, такъ что приходится тратить много времени на переходъ. Поэтому многіе рабочіе не обѣдаютъ дома. Обѣдъ, который они часто приносятъ съ собою, холодный и невкусный, такъ что отбиваетъ аппетитъ. Большинство женъ рабочихъ, по выходѣ замужъ, нѣсколько лѣтъ работаютъ на фабрикахъ, сколачивая деньгу на хозяйство. Нужда заставляетъ ихъ, впрочемъ, всегда искать работы то на фабрикѣ, то въ прачешныхъ, то въ магазинахъ (даютъ работу на домъ). Дѣти, по большей части, живутъ безъ призора. Семейная жизнь не даетъ успокоенія и радости. Измученная жена и мать не имѣютъ времени, чтобы устроить квартиру поуютнѣе. Сплошь и рядомъ женщина бываетъ занята еще больше, чѣмъ мужчина. Передъ уходомъ на фабрику она должна еще приготовить ѣду и заняться уборкой; вечеромъ—опять домашнія хлопоты. Поэтому, для дѣтей и мужа домъ представляется мало привлекательнымъ и они являются туда, чтобы только ночевать. Свободное время нѣмецкій рабочій проводитъ въ ресторанѣ. Къ счастью, пьянство тамъ не особенно развито, и въ послѣднее время замѣтно даже уменьшеніе потребленія спиртныхъ напитковъ.

Это зависитъ отъ того, что нѣмецкіе рабочіе очень интересуются политическою жизнью страны, и этотъ интересъ спасаетъ ихъ отъ увлеченія спиртными напитками. Фабричная работа, несмотря на то, что, въ большинствѣ случаевъ, она продолжается не болѣе 10 часовъ въ день, все еще грозитъ здоровью рабочихъ. Рабочіе вдыхаютъ скверные и ядовитые газы, черезчуръ много напрягаются и т. д., все это порождаетъ среди нихъ легочныя и желудочныя болѣзни. Фабриканты считаютъ, что на 40-мъ году силы рабочаго уже изсякаютъ, и поэтому рѣдко принимаютъ на службу рабочихъ свыше 40 лѣтъ. Смертность среди рабочихъ очень велика, чуть не вдвое больше, чѣмъ среди зажиточныхъ людей. Могутъ ли нѣмецкіе рабочіе быть довольны своей жизнью? Конечно нѣтъ: развѣ можно быть довольнымъ бѣдностью? Такой же жизнью, часто даже еще худшей, живутъ рабочіе и другихъ странъ.

Вотъ, напримѣръ, Англія, самая богатая изъ европейскихъ странъ. Въ этой странѣ болѣе 10 милліоновъ рабочихъ, но только 2 милліона живутъ болѣе или менѣе сносно, имѣя значительный и постоянный заработокъ. Остальные—всегда въ нуждѣ, то впадая въ нищенство, то коекакъ добывая средства къ жизни. Знаменитый англійскій ученый Альфредъ Уоллесъ говоритъ, что «число очень бѣдныхъ, т. е. людей, живущихъ изо дня въ день на самыя ничтожныя средства, нынѣ чрезвычайно возросло, и не мало указаній на то, что бѣдные составляютъ въ настоящее время гораздо большую часть населенія, чѣмъ когда бы то ни было раньше». Изъ 6 милліоновъ населенія Лондона (главный городъ Англіи) одна треть, т. е. 2 мил., живетъ въ крайней нуждѣ. Во время же безработицы положеніе этихъ бѣдняковъ становится прямо-таки ужаснымъ. По утвержденію того же Уоллеса жизнь рабочаго цѣнится очень мало. Ради барышей, ихъ заставляютъ

выполнять многія страшно вредныя для здоровья работы. Такъ, напримѣръ, дѣвушки, занятыя чесаніемъ льняной пряжи, теряютъ свое здоровье черезъ 12 лѣтъ; выдувальщики стеклянной посуды уже въ 40 лѣтъ становятся стариками и часто слѣпнутъ (рис. 19); рабочіе въ гончарныхъ мастерскихъ страдаютъ чахоткой. Но особенно

Рис. 19. На стеклянномъ заводѣ.

страдаютъ рабочіе, занятые выдѣлкой свинцовыхъ бѣлилъ. Большинство изъ нихъ начинаютъ хворать спустя только годъ или два работы. Рабочихъ тотчасъ же разсчитываютъ, но они уже отравлены и умираютъ очень скоро. Дѣти, рожденныя отъ родителей, отравленныхъ свинцомъ, часто умираютъ въ конвульсіяхъ (въ корчахъ); одна женщина потеряла такимъ образомъ восьмерыхъ дѣтей. На спичечныхъ фабрикахъ рабочіе отравляются фосфоромъ,

а отъ этого у нихъ отгниваютъ челюсти, при нестерпимой боли; очень часто болѣзнь заканчивается смертью.

Такова жизнь огромнѣйшаго большинства рабочихъ во всѣхъ странахъ Европы и Америки. Они не въ состояніи жить настоящей человѣческой жизнью. Всѣ средства къ жизни въ рукахъ крупной буржуазіи. А она распоряжается этими средствами исключительно въ своихъ выгодахъ. Напримѣръ, развѣ нельзя замѣнить вредный для здоровья и даже опасный для жизни рабочихъ фосфоръ при выдѣлкѣ спичекъ чѣмъ-нибудь другимъ? Знающіе люди утверждаютъ, что это вполнѣ возможно. Но дѣло въ томъ, что фосфоръ очень *дешевъ*. А фабрикантамъ выгоднѣе имѣть дешевый фосфоръ и больныхъ рабочихъ, чѣмъ какое-нибудь дорогое вещество и здоровыхъ рабочихъ. Власть находится въ ихъ рукахъ, поэтому они дѣлаютъ то, что хотятъ. Если бы рабочіе имѣли власть, они уничтожили бы всѣ вредныя производства и такимъ образомъ сохранили бы множество человѣческихъ жизней. Но они власти не имѣютъ и потому вынуждены отдавать свое здоровье и свою жизнь, обогащая и безъ того богатыхъ людей.

Но рабочіе не всегда безпрекословно отдаютъ свои силы хозяину. Вездѣ и всюду они ведутъ съ нимъ упорную борьбу. Въ этой борьбѣ они отстаиваютъ свое здоровье, свою жизнь, право на образованіе и проч. Но одинокій рабочій слишкомъ слабъ, чтобы отстаивать свои права, поэтому онъ соединяется съ другими, съ своими товарищами. Такъ создаются рабочіе союзы. Эти союзы становятся все больше и больше и, наконецъ, они охватываютъ всю страну. Рабочіе отлично поняли, что въ единеніи сила, и потому крѣпко держатся за свои союзы. По большей части рабочіе объединяются по своей профессіи, т. е. по своему ремеслу, по дѣлу, которымъ они заняты. Такъ возни-

кают̀ъ союзы рабочихъ печатнаго дѣла, союзы рабочихъ

Рис. 20. Передъ стачкой (сходка рабочихъ).

ткацкой промышленности, союзы булочниковъ и т. д. Эти союзы носятъ названіе *профессіональныхъ* союзовъ. Каждый изъ такихъ союзовъ имѣетъ капиталъ, составленный изъ членскихъ взносовъ. Изъ этого капитала выдаются различныя пособія членамъ союза въ случаѣ болѣзни, какого-либо несчастья, стачки и т. д. Профессіональные союзы облегчаютъ рабочимъ борьбу за лучшую жизнь. Самымъ распространеннымъ способомъ этой борьбы является стачка, или забастовка. Положимъ, напр., что фабрикантъ спичечной фабрики вздумалъ увеличить рабочій день или сбавить рабочую плату. Рабочіе начинаютъ волноваться, происходятъ сходки, собранія, вопросъ обсуждается со всѣхъ сторонъ (рис 20). Къ фабриканту или управляющему фабрикой посылается депутація съ требованіемъ отказаться отъ намѣренія удлинить день или сбавить плату. Если хозяинъ настаиваетъ на своемъ, рабочіе объявляютъ стачку. Они бросаютъ работу, и фабрика останавливается. Каждый день бездѣйствія приноситъ ея владѣльцу большіе убытки. Бываетъ, что испугавшись слишкомъ большихъ убытковъ, хозяинъ сдается и уступаетъ рабочимъ. Не легко рѣшиться рабочему на стачку. Это значитъ не имѣть работы и заработка. Это значитъ жить впроголодь. Въ особенности плохо приходится семейнымъ рабочимъ. Тяжко и горько видѣть отцу, какъ плачутъ его дѣти отъ голода и холода, какъ угрюмо молчитъ его жена, какъ исчезаютъ изъ дому одежда и другія вещи, которыя можно продать или заложить (рис. 21). Но рабочіе знаютъ, что эти лишенія и несчастья неизбѣжны, что иначе имъ нельзя побѣдить фабрикантовъ. Бываютъ, впрочемъ, довольно частые случаи, когда рабочіе не выдерживаютъ непомѣрныхъ лишеній и, наголодавшись, сдаются и вновь идутъ работать, покоряясь хозяину.

Стачки происходятъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда

Рис. 21. Во время стачки.

рабочіе хотятъ добиться отъ хозяина какихъ-либо улуч-

шеній въ своей работѣ. Профессіональные союзы оказываютъ стачечникамъ помощь, выдавая имъ пособіе въ забастовочные дни, и чѣмъ сильнѣе союзъ, тѣмъ больше могутъ продержаться рабочіе. Нерѣдко стачки охватываютъ не одну, а всѣ фабрики какого-либо производства, напр., всѣ ситце-бумажныя, всѣ табачныя и т. д. Тогда получается огромная, массовая стачка. Такихъ стачекъ въ послѣднее время было множество, во всѣхъ странахъ, гдѣ царитъ капитализмъ.

Но профессіональные союзы стремяться еще и другимъ путемъ предохранить рабочихъ отъ хозяйской жадности. Они принуждаютъ хозяевъ входить съ рабочими въ переговоры относительно условій труда. Обыкновенно дѣло принимаетъ такой видъ, что хозяева и рабочіе назначаютъ для переговоровъ по нѣсколько человѣкъ, поровну отъ каждой стороны. Эти представители сторонъ составляютъ особый совѣтъ, который и устанавливаетъ и продолжительность рабочаго дня, и высоту заработной платы, и другія условія труда. Хозяева и рабочіе обязываются подчиниться рѣшеніямъ этого совѣта. Такая форма соглашеній особенно процвѣтаетъ въ Англіи.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи и въ Англіи, среди рабочихъ сильно распространены такъ называемыя потребительныя общества. Что это за общества? Рабочіе, какъ очень бѣдные люди, страшно тяготятся высокими цѣнами на продукты. Но имъ приходится много переплачивать разнымъ мелкимъ лавочникамъ. Чтобы покупать все необходимое лучшаго качества и дешево, они стали устраивать особые союзы, общества. Каждый членъ союза дѣлаетъ ежегодно или ежемѣсячно взносъ. Изъ этихъ взносовъ составляется капиталъ. Члены выбираютъ правленіе для закупки товара и вообще для веденія всего дѣла. Товары эти продаются

членамъ по самой дешевой цѣнѣ. Эти союзы и есть потребительныя общества. Нѣкоторыя изъ такихъ обществъ имѣютъ уже милліонные обороты и доставляютъ рабочимъ хорошій и недорогой товаръ. Недаромъ мелкіе и крупные торговцы такъ не любятъ рабочія потребительныя общества! Но еще большей ненавистью пользуются со стороны ихъ и фабрикантовъ другого рода рабочіе союзы—*производительныя товарищества*. Нѣкоторыя изъ потребительныхъ обществъ пришли къ мысли, что хорошо было бы завести свои фабрики и мастерскія. Задумано—сдѣлано! Въ Бельгіи существуетъ уже нѣсколько такихъ фабрикъ, въ одномъ городѣ хлѣбопекарня, въ другомъ пивоварня и т. д. Зданія, машины, словомъ все на такихъ фабрикахъ составляетъ собственность рабочаго союза. Хлѣбъ, пиво и др. продукты продаются очень дешево, но несмотря на это получается не малая прибыль, которая идетъ не въ карманы тѣхъ или другихъ лицъ, а на рабочее дѣло: на помощь рабочимъ, на устройство новыхъ потребительныхъ и производительныхъ обществъ, на расширеніе старыхъ и т. д.

Но какъ ни важны для рабочихъ всѣ эти союзы, они нуждаются, кромѣ того, еще въ законодательной помощи. Мы видѣли, какъ трудно было установить рабочій день, и его можно было установить по всей странѣ только при помощи особыхъ законовъ. Но если изданіе законовъ находится въ рукахъ дворянъ или промышленниковъ, рабочіе лишь съ огромнымъ трудомъ добиваются хорошихъ, полезныхъ для себя законовъ. Поэтому-то во всѣхъ свободныхъ странахъ, т. е. такихъ, гдѣ законы издаются собраніемъ народныхъ представителей, рабочіе добиваются участія въ изданіи законовъ. Рабочіе почти вездѣ составляютъ большинство населенія, поэтому и въ собраніи народныхъ представителей рабочіе должны

составлять большинство. Но этому мѣшаютъ два обстоятельства: во первыхъ, плохіе и несправедливые избирательные законы; во вторыхъ, недостаточное политическое развитіе самихъ рабочихъ. Чтобы прояснить сознаніе рабочихъ, измѣнить избирательные законы и добиться политической власти, сознательные рабочіе и сочувствующіе имъ люди изъ другихъ классовъ составляютъ политическія рабочія партіи.

Такой партіей, одной изъ самыхъ значительныхъ въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, является въ настоящее время *соціалъ-демократическая* рабочая партія. Эта партія защищаетъ интересы рабочаго класса какъ въ его борьбѣ съ хозяевами, такъ и въ его борьбѣ за права и политическую власть. Но такъ какъ въ настоящее время политическая власть почти во всѣхъ странахъ находится въ рукахъ буржуазіи, то всюду, гдѣ возникаютъ рабочія политическія партіи, возникаетъ и политическая борьба между рабочимъ классомъ и буржуазіей. Въ предыдущей главѣ мы видѣли какъ упорно отстаиваетъ буржуазія свои выгоды; мы видѣли также, что только настойчивая борьба рабочихъ заставляетъ ее идти на уступки.

Но это—борьба не только за болѣе короткій день, не только за болѣе высокую заработную плату, не только за всевозможныя улучшенія въ положеніи рабочихъ. Это барьба за новый общественный порядокъ, такой порядокъ, при которомъ не было бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни угнетателей, ни угнетаемыхъ, гдѣ всѣ люди были бы равно обезпечены, имѣли бы равное право на образованіе и на радости жизни. Власть людей надъ природой все растетъ и растетъ; съ ничтожной затратой труда человѣкъ создаетъ огромныя богатства, но эти богатства теперь составляютъ достояніе немногихъ избранныхъ. Придетъ вре-

мя—и рабочіе жаждутъ этого времени—когда богатства, создаваемыя всѣми людьми, будутъ достояніемъ всѣхъ, а не немногихъ. Это то время, о которомъ знаменитый англійскій поэтъ говоритъ:

И выйдетъ изъ этого шума борьбы и стоновъ
Великое, истинное братство,—
Глубокое равенство цѣлей; и отбросятся
Всѣ своекорыстныя стремленія во имя общаго блага.
Настанетъ время, когда человѣку человѣкъ
Будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ Христосъ ему: во братѣ братомъ.

* *
*

Настанетъ время, когда братство крѣпче
Узкихъ путъ, что нынѣ связываютъ міръ;
Когда ни рева пушекъ, ни звука трубъ не будетъ слышно,
Когда всѣ вѣры, языки, расы, дѣлившіе людей,
Сольются въ человѣчествѣ одномъ навѣки.

Такъ говоритъ поэтъ, и его слова несомнѣнно сбудутся.

Объясненіе нѣкоторыхъ словъ.

Акръ—мѣра для измѣренія земли. Англійскій акръ равняется 37 сотымъ десятины (0,37), т. е. въ десятинѣ приблизительно $2^2/_3$ акра.

Буржуазія—владѣльцы недвижимой собственности, извлекающіе изъ нея прибыль, а также владѣльцы большихъ денежныхъ капиталовъ.

Водоизмѣстимость—вѣсъ воды, выдавливаемой судномъ при углубленіи его въ воду до линіи погруженія; измѣряется въ тоннахъ (тонна равняется 62 пуд.).

Капитализмъ—общественный порядокъ, при кот. господствуетъ крупная промышленность съ примѣненіемъ машинъ и наемнаго труда.

Классъ—общественный слой лицъ, имѣющихъ одинаковый источникъ дохода. Такъ, буржуазія—классъ, извлекающій доходъ изъ владѣнія какимъ-либо капиталомъ (землей, машинами, деньгами).

Колонія—чужеземныя владѣнія какого-либо государства.

Конкуренція—соперничество.

Кризисъ—потрясенія промышленности, происходящія время отъ времени благодаря перепроизводству (излишнему производству) товаровъ.

Культура—образованность.

Культурный—образованный.

Парламентъ—собраніе народныхъ представителей.

Петиція—просьба, заявленіе.

Плантація—такъ называются обработанныя пространства земли въ Америкѣ и др. внѣевропейскихъ странахъ.

Плантаторъ—владѣлецъ плантаціи.

Пролетаріатъ—классъ наемныхъ рабочихъ въ крупной промышленности.

Проституція—торговля женщинъ своимъ тѣломъ.

Проститутка—женщина, торгующая своимъ тѣломъ.

Пудлингованіе—особый способъ выдѣлки чугуна.
Рента—доходъ отъ владѣнія землей.
Ферма—небольшее имѣніе.
Фермеръ—владѣлецъ фермы.
Финансистъ—владѣлецъ денежныхъ капиталовъ и извлекающій изъ этого владѣнія прибыль.

2 ДЕК
3 АПР

Справочныя книги и указатели.

Энциклопедическій словарь. *Ф. Павленкова.* Справочная книга по всѣмъ отраслямъ знанія, около 3,000 столбцовъ текста съ 2,487 рис., въ томъ числѣ 907 портретовъ и 112 географ. картъ. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное издан. Цѣна въ коленкор. перепл. 3 р.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. *Ф. Павленкова.* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *Альмединена.* Ц. 60 к.

На всякій случай. Научно-практическіе совѣты сельск. хозяевамъ. *Альмединена.* Въ 2-хъ част. Цѣна каждой части 50 к.

Который часъ? *Вавилова.* Популярное руководство для провѣрки всякихъ обыкновенныхъ и для устройства солнечныхъ часовъ. 2-е изд. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Ник. Андреева (Н. Николина).

Древнѣйшіе жители Европы. Съ 32 рис. Ц. 20 к.

Древняя Грецiя. Съ 36 рис. и 2 карт. Ц. 40 к.

Древній Римъ. Съ 32 рис. и 4 карт. Ц. 40 к.

Великій переворотъ или Великая Французская Революція. Часть I. Старый порядокъ. Съ 9 рис. и 1 карт. Ц. 30 к.

Великій переворотъ или Великая Французская Революція. Часть II. Революція. Съ 19 рис. Ц. 40 к.

Изъ исторіи труда и капитала. Съ 21 рис. Ц. 30 к.

По дорогѣ на тотъ свѣтъ. (Исторія вѣры).

На зарѣ новой государственности.

Крестомъ и мечемъ. (Распространеніе христіанства въ Западной Европѣ).

Зарожденіе дворянскаго царства.

Борьба за власть.

Священныя войны или крестовые походы.

Средневѣковье.